

Юрий Михалёв

Блокадник- малолетка

*Воспоминания
о жизни в блокадном
Ленинграде*

Юрий Михалёв

Блокадник- малолетка

*Воспоминания о жизни
в блокадном Ленинграде*

Москва ★ Санкт-Петербург ★ 2025

**Жилой дом по адресу:
Фонтанка № 134**

УДК 94(470.23-25)"1941/1944"(093.3)
ББК 63.3(2)622,11ю14
М 69

Юрий Михалёв

М 69 **Блокадник-малолетка.** Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. — АНО «Хранители вре-
мен», 2025. — 128 с.: ил.

ISBN 978-5-907707-89-4

Эта книга — живая история, рассказанная изнутри бло-
кадного Ленинграда, живое свидетельство того, что значит
быть ребёнком на войне.

УДК 94(470.23-25)"1941/1944"(093.3)
ББК 63.3(2)622,11ю14

Книга издана на средства
гранта Президентского фонда
культурных инициатив в рамках
социокультурного проекта
«Ленинградский щелкунчик»

ISBN 978-5-907707-89-4

© Ю. Б. Михалёв, текст, 2025
© АНО «Хранители времен», 2025
макет, оформление

1.

Моя семья

Меня зовут Юра — Юрий Борисович Михалёв. Я родился в довоенном Ленинграде 8 декабря 1937 года в обычной рабочей семье.

Мой папа, Михалёв Борис Михайлович, в то время работал бригадиром электромонтеров в Городской больнице имени 25 Октября по адресу Набережная Фонтанки 132, а мама, Таисия Ивановна, трудилась на одном из заводов Ленинграда в должности чертежника-конструктора. Ещё у меня был брат Лёня. В 1941 году он окончил 7-й класс средней школы и собирался поступать в ремесленное училище. Лёня был комсомольцем, все остальные — беспартийными. Семья жила на территории больницы на первом этаже двухэтажного дома, вход и окна которого выходили на проспект Москвиной.

2.

Начало войны

О начале войны наша семья узнала в воскресенье 22 июня 1941 года, когда из уличного громкоговорителя прозвучало выступление заместителя председателя Совнаркома СССР Вячеслава Молотова. В этот момент я и вся моя семья были в зоопарке у вольера с белыми медведями.

После выступления Молотова папа сказал, что ему нужно срочно ехать домой и собираться, так как согласно записи в его военном билете он числится в запасе 1-й категории. А это значит, он должен быть в военкомате уже в первый день войны. Домой возвращался молча, так как в трамвае было много пассажиров. Дома, наскоро перекусив, отец ушел. Но вернулся довольно быстро и рассказал, что в военкомате все относительно спокойно и что ему дали два дня на оформление увольнения из больницы, а после увольнения нужно явиться на сборный пункт. Там ему дадут военную форму, после чего ему надлежит пройти краткую переподготовку. После подготовки из сборного пункта его направят в конкретную действующую воинскую часть. А уже эту воинскую часть могут направить или на передовую, или оставить в резерве. По мнению работников военкомата, война будет короткой. Она продлится, скорее всего, три-четыре месяца.

Я думал тогда, что работники военкомата правы, так как всем известно, что «От Москвы до Британских морей — Красная Армия всех сильнее». К тому же, по мне-

**Юра Михалёв
перед войной.
1941 г.**

нию папы, у немцев почти все руководители на букву «Г» (если не ругаться, это значит — дерьмо), например: Гитлер, Геббельс, Геринг, Гесс, Гиммлер, а еще какие-то Борман и Риббентроп. Не то, что наши руководители: Сталин, Молотов, Калинин, Маленков, Жданов. А генералы у немцев какие-то Бок, Лееб, Монштейн, Гударинан... — разве можно сравнить их с нашими, например, с Ворошиловым, Буденным, Тимошенко, Кузнецовым, Жуковым! А еще папа говорил, что «лезут — хорошо — сотрем в порошок. Поляков — били, японцев — били, финнов — били и немцы получают, как пойдут бои, по числу по первое».

На семейном совете решили, что мама также уволится и устроится на работу в больницу, папа обещал договориться. Раненых, наверное, все же будет поступать много с фронта, и больница будет вынуждена увеличить штат. Кроме того, семья жила в жилом помещении, принадлежащем больнице, а в нем могли жить только ее работники. Лёня, как и планировал, поступит в ремесленное училище.

На третий день после начала войны папа опять пошел в военкомат и вернулся домой уже в новой военной форме, в звании сержанта войск связи и с карабином в руках. (Карабин — это такая небольшая винтовка, снабжённая не трехгранным штыком, а в виде ножа.) На следующий день рано утром папа отбыл в расположение своей воинской части, мама была занята своим переводом в больницу и поступлением Лёни в ремесленное училище. А мне в это время была предоставлена полная свобода. И я вместе с другими детьми работников больницы был занят своими «важными» делами, а именно: играл во всякие популярные в то время игры — в прятки, пятнашки, 12 палочек, «попа-загонялу», лапту, футбол, в войну, городки, ножички, пристеночку, стрельбу из рогатки и т. д. Благо, территория больницы была, во-первых, очень большой, во-вторых, была окружена высоким каменным забором и, в-третьих, там теперь работала мама, которая, с одной стороны, могла присмотреть за мной, а с другой — мне можно было в любой момент обратиться к ней по любому вопросу.

Несколько слов о Больнице имени 25 Октября

Городская больница имени 25 Октября была построена в 1866 году по указу царя Александра II, по проекту архитектора И. В. Штрома для «чернорабочего населения в память событий 19 Февраля 1861 г.» (отмена крепостного права). Главный вход в больницу выходил на реку Фонтанку. Перед этим входом был разбит небольшой сквер. В центре сквера был установлен постамент. До революции на этом постаменте стоял бюст самого Александра II. После революции бюст пропал и появилась надпись, что это памятник «Человеку-невидимке».

Александровская больница. Фото кон. XIX в.

**Памятник «Человеку-невидимке».
Современный вид**

**Бюст императора
Александра II
перед входом
в больницу.
Фото кон. XIX в.**

**Современный
вид бывшей
Александровской
больницы**

**Архитектурный
план XIX в.**

**Деревянные
больничные
баракы.
Рисунок XIX в.**

- I. Администрация
и больные**
- III. Аптека,
прислуга,
больные**
- IV. Часовня для
покойников**
- V. Инфекционные
баракы**
- VIII. Квартиры
служащих**

ПЛАНИРОВКА

- 1. Отап
- 2. Туал
- 3. Помещ для посуды
- 4. Кухня
- 5. Зернохранил.
- 6. Двухэтаж.
- 7. Помещение для конюшен

КЛАССЫ

- 1. Больница
- 2. Больница в отделе
- 3. Помещ для посуды
- 4. Кухня
- 5. Зернохранил.
- 6. Двухэтаж.
- 7. Конюшни

Территория больницы занимала площадь 6,5 гектаров и располагалась с одной стороны между рекой Фонтанкой и проспектом Москвиной, а с другой между площадью перед Троицким собором и проходом к нему от реки Фонтанки и жилым домом по адресу Фонтанка № 134, за которым располагалась средняя семилетняя общеобразовательная школа № 264 (дом № 134А). За школой проходил Лермонтовский проспект.

До войны на территории больницы располагались пять деревянных инфекционных барачков, примерно по 100 коек каждый, три трехэтажных больничных зданий, родильное отделение, три двухэтажных дома для персонала больницы, котельная на каменном угле с высокой вытяжной каменной трубой, большой ледник для хранения льда с Невы, фруктовый сад и огород со стеклянными парниками, сад для прогулок больных, деревянной и угольной дворами, двухэтажная покойничка, административное здание, гараж и еще несколько небольших строений. Все это было окружено каменным забором, а все входы на территорию охраняли вахтеры больницы.

Война приближается

Между тем, несмотря на уверенность большинства ленинградцев в том, что война будет короткой и враг быстро будет разбит, жизнь в городе довольно быстро переводилась на военные рельсы.

В первую неделю войны были призваны в армию практически все работавшие в больнице мужчины призывного возраста. Кроме того, многие работники больницы, не подлежащие призыву, обращались в военкоматы с просьбами призвать их в армию. Об этом ежедневно говорили и мама, и ее знакомые, и мои приятели из чис-

ла детей работников больницы. Тихая и почти безлюдная улица — проспект Москвиной — стала оживленной, так как по ней от остановки трамвая на перекрестке Первой Красноармейской улицы и Измайловского проспекта к военкомату на Лермонтовском проспекте и обратно с утра до вечера шли люди. На проспекте Москвиной появились уличные громкоговорители.

Напротив больницы на проспекте Москвиной располагались военные гаражи. До начала войны они, как правило, были закрыты. Но уже в первую неделю войны ворота всех гаражей ни днем, ни ночью практически не закрывались. В гаражах и на улице перед ними стояли грузовики (полупортки и трехтонки), на которые практически круглосуточно монтировали прожекторы, зенитные шестиствольные пулеметы, зенитные звукоулавливатели с четырьмя граммофонными трубами и еще какие-то устройства.

А еще один раз по проспекту Москвиной провезли целую колонну заградительных аэростатов. Такие аэростаты могли подниматься в небо на высоту до 3–5 километров.

Это, с одной стороны, не позволяло немецким летчикам прицельно бомбить или обстреливать цели на низкой высоте полета, а с другой, особенно ночью, могло нанести повреждение самолету, который на таких высотах мог наткнуться или на сам аэростат, или на тросы, его удерживающие.

Работа больницы также перестраивалась с учетом введенного в стране военного положения. Больница по-прежнему была предназначена для обслуживания только гражданского населения. Практически в течение одной–двух недель штатный состав больницы обновился практически наполовину. Призванных в армию или переведенных в военные госпитали сотрудников боль-

Заградительный аэростат

ницы заменили врачи и другой медперсонал, освобожденный от призыва, в основном — женщины пожилого возраста. Обучение вновь принятых проводилось непосредственно в палатах путем прикрепления новичков к опытным работникам. Мою маму в первый же день работы прикрепили к опытной пожилой медсестре хирургического отделения. Кроме того, ее включили в состав пожарной дружины, члены которой после работы должны были нести дежурство на крышах зданий больницы. Пока не было налетов немецких самолетов, дружинники запасали на чердаках воду, песок, пожарные инструменты (багры, топоры, ведра, щипцы).

В саду для прогулок больных сотрудники больницы и ходячие больные стали копать щель-бомбоубежище.

Части Красной Армии, направляясь на фронт, проходят по улицам города. 1941 г.

В такую щель могло поместиться около 100 человек. Ее стены и потолок были обшиты досками, внутри щели была сделана скамейка, а сверху на крышу было насыпано примерно 0,5 метра земли.

В магазинах стали пропадать продукты и другие товары первой необходимости, такие как керосин, спички, мыло. Мне постоянно мама давала поручение что-то купить, и поэтому часто приходилось часами выстаивать в очередях или бегать по магазинам с целью узнать, когда и что из товаров завезут. Кроме того, моему брату Лёне и мне было поручено наколоть и уложить в сарай дрова, купленные в начале июня папой. В больнице только два или три здания отапливались зимой центральным отоплением, которое работало на угле. Все остальные помещения отапливались дровами. Дрова больница заку-

пала централизованно летом, в том числе и для своих сотрудников.

29 июня из ремесленного училища по телефону на пост больницы пришло сообщение о том, что в связи с войной обучение в ремесленном училище начнется не с 1 сентября, а уже 1 июля. На первом собрании всем зачисленным в училище объяснили, что, так как практически все преподаватели училища или призваны в армию, или мобилизованы на предприятия, занятые про-

изводством военной продукции, обучение будет проводиться непосредственно на заводах и что уже через месяц все вместо статуса ученика и стипендии получают разряд и будут переведены на сдельную оплату труда. Первого июля Лёня пришел вечером из училища уже в новой форме учащегося ремесленного училища и сообщил, что он будет теперь жить в общежитии, питаться в столовой училища и получать стипендию 55 руб. в месяц.

Тетя Галя

Тетя Галя — мамина родная сестра. Она решила навестить нас в третье воскресенье после начала войны. Жила она в пригороде Ленинграда в поселке Красное

Село (теперь город Пушкин). Ее муж работал на почте поселка в должности замначальника этого почтового отделения. Он был освобожден от призыва по состоянию здоровья. По роду своей деятельности он знал гораздо больше о положении на фронтах, чем об этом писали газеты, и сообщало радио. Так, например, тетя Галя рассказала о том, что немцы довольно быстро приближаются к Ленинграду. Они уже захватили города Ригу, Остров, Псков. Очень скоро возьмут Таллин. Уже ведутся бои на подступах к городу Луга. На строительство Лужского оборонительного рубежа в Красном Селе мобилизованы практически все, кто может держать лопату. А еще она сообщила о том, что И. В. Сталин обязал наркома связи тов. Пересыпкина И. Т., кроме своих обязанностей наркома связи, еще выполнять обязанности замнаркома обороны и приказал ему срочно реорганизовать в СССР связь и в первую очередь почту.

В стране шли огромные перемещения людей. Одних направляли на фронт, а другие перемещались на восток в тыл, и всем этим людям была, как воздух, необходима устойчивая и надежная почтовая связь. Тетя Галя также рассказала, что ее муж получил предписание срочно эвакуироваться на восток для организации нового почтового отделения с учетом сложностей военного времени. Он уже собрался и уедет через день или два. Ей также придется ехать к нему, как только он там, на новом месте, устроится. Тетя Галя уехала из Ленинграда в конце июля.

От нее довольно скоро пришло письмо. В этом письме она сообщала, что доехала относительно хорошо. Было несколько остановок поезда в пути, связанных с ремонтом железнодорожного полотна, поврежденного бомбами. На станции Бологое у нее была пересадка. Чтобы пересесть на другой поезд, идущий в нужном ей направлении, пришлось потратить около суток, много по-

ходить по станции и постоять в очередях. В очередях и в разговорах с такими же эвакуированными и местными жителями много говорили о бомбежке и обстреле двух эшелонов на станции Лычково. Эта станция находилась всего примерно в 100 км от Бологого. Ее бомбили и обстреляли пять немецких самолетов. В результате этих бомбежек и обстрела были разбиты санитарный поезд и поезд с детьми. Одни говорили, что погибли и были ранены около 100 человек, половина из которых были дети младшего возраста. Другие говорили о тысяче погибших. И все же тетя Галя считала, что ей повезло, так как ее поезд немцы ни разу не бомбили, а после пересадки на станции Бологое поезд пошел быстрее, хотя и с частыми остановками, но без всяких неприятных случаев.

Тетя Галя в эвакуации

Во время войны о жизни в эвакуации тетя Галя подробно не писала из-за того, что все письма проходили цензуру. Но после войны она рассказывала, что ее муж и она были эвакуированы формально в город Уфу. Однако на деле это был далекий пригород Уфы, а именно станция Черниговка. На этой станции практически в чистое поле были эвакуированы несколько авиационных заводов и КБ из Рыбинска, Ленинграда, Москвы и ряда других городов. Многое оборудование и станки устанавливались, подключались и начинали работать под открытым небом. Потом над ними возводилась крыша. И только потом строились стены. Большинство рабочих этих заводов, приехавших из других городов, жили вначале в палатках и землянках и только около одной трети приехавших подсаелись в дома и квартиры местных жителей. С появлением стен у цехов людей перемещали жить из палаток в эти цеха. И только после возведения

цехов и других промышленных объектов начиналось строительство общежитий. Все это создавало громадные проблемы и трудности при организации работы почты. В военное время все оборонные предприятия не имели названий. Они все, без исключения, числились под каким-то номером, а в качестве адреса указывалось только название населенного пункта и номер почтового ящика (п/я). Численность людей, у которых не было другого адреса, кроме п\я, в этот период доходила до десятков тысяч. В связи с этим почтовым работникам приходилось налаживать прочные производственные связи с отделами кадров заводов, местными органами власти, милицией, военкоматами, органами госбезопасности, начальниками производственных подразделений и цехов для того, чтобы в кратчайшие сроки доставлять корреспонденцию нужному адресату.

Очень остро на почте стоял вопрос обеспечения кадрами. Штатных сотрудников явно не хватало. Зарплаты на почте были очень низкие, а труд письмоносцев был достаточно тяжелый. Им приходилось в течение дня преодолевать, в основном пешком, большие расстояния с тяжелой сумкой на плечах. Например, завод на станции Черниговка занимал площадь, равную 33 га. Чтобы обойти его цеха и подразделения, нужно было пройти расстояние более чем 15–20 км. В связи с этим руководителям почтовых отделений приходилось искать и налаживать работу добровольных и внештатных письмоносцев из числа работников завода или его подразделений, выпрашивать, выбивать и договариваться с их руководителями о дополнительной оплате их труда или о каких-либо льготах для них.

На почту в рабочие часы, а часто — уже после ее закрытия тянулся нескончаемый поток людей с различными вопросами и просьбами. Почтовые отправления мог-

ли приходиться на почту и отправляться другим адресатам в любое время суток, доставлялись и отправлялись они любым видом транспорта, как говорится, с любой оказией. В связи с этим на почте необходимо было организовывать постоянное круглосуточное дежурство. А кроме того, налаживать и поддерживать постоянные связи с работниками железных дорог, аэродромов, автопредприятий, армейским командованием.

И все же тетя Галя считала, что ей очень повезло, так как она в эвакуации жила в теплой отдельной комнате при почте, имела рабочие продовольственные и промтоварные карточки, получала каждый месяц зарплату и, самое главное, их никто не бомбил и не обстреливал.

3.

Обстановка в Ленинграде в начале войны

Между тем обстановка в Ленинграде становилась все тревожнее. В государственных магазинах все чаще и чаще стали пропадать продукты. При их появлении выстраивались длинные очереди. В коммерческих магазинах и на рынках продукты пока были, но цены на них увеличивались ежедневно и уже были недоступны подавляющему большинству ленинградцев. В связи с этим в конце июля вышло правительственное постановление, обязывающее региональные и городские власти ввести карточную систему распределения продуктов и промтоваров.

В Ленинграде карточная система начала действовать с 1 августа 1941 года. Каждый житель Ленинграда имел право до 1 августа 1941 года получить четыре продовольственные карточки на хлеб; на сахар и кондитерские изделия; на бакалею (крупы, макароны и т. д.); на мясо, рыбу и изделия из них. Продуктовые карточки были четырех категорий: карточки рабочих; карточки служащих; карточки иждивенцев и детские карточки. Мама на август получила два вида карточек: рабочую и детскую. Каждая карточка содержала талончики. В этих талончиках были указаны даты, в которые владельцу карточки назначалась выдача продукта и норма продукта. Кроме того, карточки были разделены на декады. В декаду владелец карточки имел право выкупать про-

дукт или ежедневно, или сразу за несколько прошедших в декаду дней, или в конце декады за все дни сразу. Талоны, не отоваренные в течение двух-трех дней после окончания последней декады, на следующий месяц не переносились и для владельца карточки пропадали.

Кроме карточки, чтобы получить указанную в них норму продукта, нужны были деньги. Между тем цены на продукты даже в государственных магазинах были достаточно высокими по сравнению с доходами большинства ленинградцев. Так, например, до войны мой отец (бригадир электромонтеров) получал зарплату около 500 рублей в месяц, мама (чертежник-конструктор) около 350 рублей. В это время хлеб стоил от 1 до 3 рублей за кг, картошка 1–2 руб., масло сливочное 50 руб. кг, капуста 4 руб. кг, яйца 16 руб. за десяток, мясо от 70 до 150 руб.

кг, вареная колбаса от 20 до 50 руб. кг. В течение первых двух месяцев войны цены на все продукты в государственных магазинах увеличились почти на 30–40%.

В коммерческих магазинах и на рынках цены были выше в 3–4 раза по сравнению с ценами в государственных магазинах. Между тем в июле месяце доход семьи (мама и я) составлял только 120 рублей (ставка ученика медсестры). Правда, были еще небольшие довоенные накопления, но мама их придерживала на черный день, так как считала, что ей уже через месяц–два оклад увеличат, а немцев в ближайшее время отгонят от Ленинграда. В связи с этим примерно одну треть продуктов, положенных по карточкам (кроме хлеба), она в августе не выкупила. Дома имелся примерно двухнедельный запас продуктов (в основном круп, макарон, овощей). Хлеб по карточкам мама выкупала из-за больших очередей один раз в два–три дня.

В городе появились первые беженцы из Белоруссии, Прибалтики и других западных областей СССР, в подавляющем большинстве — женщины и дети. В больнице был организован сборный эвакуационный пункт. Для этих целей были освобождены два инфекционных барака. Там беженцы содержались два–три дня. Их кормили, оказывали медицинскую помощь, оформляли документы, выдавали одежду, у кого ее не было, и организованными группами отправляли на Московский вокзал для отправки поездом дальше на восток.

Вернулись работники больницы, их родственники и знакомые, мобилизованные на строительство Лужского рубежа обороны Ленинграда. Они рассказывали о том, что за Лугу идут кровопролитные бои. Лугу постоянно бомбят и обстреливают и ее вот-вот немцы захватят. Днем на большой высоте, не доступной для наших зениток, стали появляться немецкие самолеты-разведчики,

которые иногда сбрасывали листовки. В этих листовках немцы сообщали, что они скоро захватят Ленинград и предлагали саботировать работы по обороне города и отказываться выполнять распоряжения властей. Листовки, как правило, были напечатаны на розовой бумаге. Обычно их никто не читал и они долго валялись на улицах. Некоторые люди их собирали для растопки печек или для курительных самокруток. Я ни разу не видел, чтобы кого-то специально заставляли собирать эти листовки или кого-то как-то наказывали за то, что он эти листовки читает. Все, кого я и мама знали, относились к этим листовкам, как к мусору, а над их содержанием или смеялись, или издевались.

В городе появились военные и милицейские патрули, которые у многих проверяли документы. В конце августа периодические отправки беженцев из больницы на вокзал прекратились, так как немцы перерезали оба железнодорожных пути, связывающих Ленинград с Москвой. В конце августа продовольственный магазин на Измайловском проспекте, куда мама ходила за продуктами, закрыли на переучет. Говорили, что директора и кого-то из продавцов арестовали по обвинению в спекуляции.

4.

Начало блокады в Ленинском районе Ленинграда

*(район Красноармейских улиц, Троицкого собора,
Фонтанки и близлежащих улиц)*

В августе и сентябре в Ленинграде стояла очень хорошая теплая погода с редкими грибными дождями. В городе все больше и больше становились заметнее мероприятия по подготовке к обороне. К нам домой пришли военные и оба окна нашей комнаты и прихожей со стороны проспекта Москвиной заложили кирпичами.

Получились два пулеметных гнезда с амбразурами, из которых можно было простреливать из пулеметов весь проспект Москвиной от Измайловского до Лермонтовского проспекта. Пулеметы пока не устанавливали, но их легко можно будет поставить, открыв створки окон нашего жилища.

В конце августа и в начале сентября после работы мама ходила в Троицкий собор, где в подвале собора по решению Совета обороны организовывалось бомбоубежище. Там в подвале и в самом соборе был какой-то склад. Из подвала все выносили наверх в помещение храма, где раньше проводились службы. В основном это были коробки с киноплёнками учебных фильмов. В самом подвале по стенам сколачивались двухэтажные нары, а в центре из досок делались длинные столы и скамейки. Такое бомбоубежище могло вместить более тысячи человек.

**Троицкий собор.
Фото XIX в.**

**Проспект
Москвиной (ныне
снова Троицкий)
с видом на
жилые корпуса
для работников
больницы
и Троицкий собор.
Современное
фото**

Стены собора были толщиной около трех метров. В подвал и на балконы для церковных хоров можно было попасть по винтовым лестницам, которые находились в толще стен собора. Такие стены не могли пробить даже снаряды тяжелых осадных орудий.

В конце августа и начале сентября город практически не бомбили и не обстреливали. Но все чаще и чаще в небе над городом появлялись немецкие самолеты-разведчики, так называемые «Рамы». Они летали на очень большой высоте, не доступной для наших зениток. наших истребителей в небе над городом не было.

В начале сентября на выдаваемые по карточкам продукты стали очень быстро снижаться нормы. Например, если на 1 сентября норма хлеба была на рабочую карточку 800 г, то уже 2 сентября была установлена норма 600 г, 12 сентября — 500 г. Мама в сентябре стала выкупать все, что было положено по карточкам. При этом мне приходилось выстаивать длинные очереди.

В первых числах сентября немцы начали бомбить город. Бомбежки начинались, как правило, ранним утром в 6–7 часов. Чаще всего немцы сбрасывали зажигательные бомбы или фугасные бомбы небольшой мощности. Массированным бомбардировкам больше всего подвергались складские помещения и деревянные постройки. Пожар на Бадаевских складах был хорошо виден с проспекта Москвиной. Был виден пожар каких-то зданий, расположенных у Кромвельского канала на другом берегу реки Фонтанки. Кроме того, говорили, что горел Гостиный двор. В результате второго массированного налета в больнице загорелись и полностью сгорели деревянные инфекционные бараки. Они занялись и горели очень быстро. Их даже не пытались тушить. Размещенные там беженцы в основном не пострадали, так как вовремя спрятались в щели-бомбоубежища. После бомбежки всех беженцев перевели на временное проживание в подвал Троицкого собора, а потом переселили в помещение школы № 264 на реке Фонтанке.

В середине сентября немцы начали систематический обстрел города из дальнобойных орудий. Из тяжелых дальнобойных орудий немцы вначале обстреливали наш район, так как считали, что на Красноармейских улицах находятся военные казармы. Один из снарядов таких орудий повредил один из четырех малых куполов Троицкого собора. Купол не упал, а только сильно накренился и лишился покрывавшей его крыши. Второй очень тяже-

лый снаряд попал и полностью разрушил пятиэтажное здание на углу реки Фонтанки и улицы Майорова. Третий снаряд, тоже очень большой, полностью разрушил дом № 4 в Советском переулке. Там вместо этого дома образовалась воронка диаметром 10–15 метров и глубиной 3–4 метра. После войны на месте этой воронки была построена школа № 281, которую в 1970 году закончил президент России В. В. Путин. Один из снарядов среднего калибра попал и пробил большое отверстие (примерно в два человеческих роста) в трубе котельной больницы. От бомбежек и обстрелов мама отправляла меня или в земляную щель-бомбоубежище, или в подвал Троицкого собора с кем-нибудь из знакомых или сослуживцев, не занятых в пожарных дружинах, а сама шла на свой пожарный пост на крыше.

Однажды после очередного обстрела я увидел первую в своей жизни жертву обстрела. Это была женщина лет 30–35. Она не успела добежать метров 15–20 до дверей собора, когда ей в голову попал осколок разорвавшегося

Будни блокадного Ленинграда

**Набережная
реки Фонтанки
после артобстрела**

снаряда. Рана в ее голове была совсем маленькая, крови почти не было. Это был первый мертвый человек, которого я увидел с начала войны. Рядом с ней сидел и спокойно играл с какой-то игрушкой маленький мальчик в возрасте около двух лет. Мальчика сразу забрали и отнесли в приют для детей-сирот, организованный при больнице, а женщину позднее забрали в больничный морг.

В начале блокады немецкие бомбежки и обстрелы носили во многом случайный характер. Четкого выбора объектов не было. Бомбы и снаряды часто попадали в абсолютно бесполезные для обороны и жизнедеятельности города объекты. При этом было трудно предположить, куда попадет сброшенная бомба или выпущенный снаряд.

Во второй половине сентября начались более или менее осмысленные и целенаправленные бомбежки и обстрелы конкретных городских объектов. При этом больница и район Красноармейских улиц явно перестали быть для немцев приоритетной целью. В связи с этим население больницы и соседних с ней домов стали реже пользоваться бомбоубежищами. Вначале практически все отказались от щелей-бомбоубежищ, так как там в конце сентября было холодно и сыро, а бомбы и снаряды до больницы не долетали. А затем отказались и от бомбоубежища в соборе из-за того, что до него надо долго бежать, и там тоже было довольно холодно, а снаряды и бомбы разрывались где-то далеко.

5.

Продуктовая проблема

В сентябре месяце гораздо больше, чем от бомбежек и обстрелов, ленинградцы начали страдать от голода. После введения карточек на продукты нормы на них начали очень быстро снижаться. Так, например, если норма хлеба в день на детскую карточку в августе составляла 400 г, то уже 2 сентября эта норма была снижена до 300 г, 12 сентября была снижена до 250 г, а 1 октября уже составила 200 г. Также резко и быстро снижались нормы и на другие категории карточек (рабочих, служащих, иждивенцев). В связи с этим мама и Лёня сдали свои карточки (все, кроме хлебных) в столовые соответственно больницы и завода. Столовые предприятий снабжались намного лучше и разнообразнее, чем магазины. За счет этих карточек столовые кормили прикрепленных к ним лиц два раза в день горячей пищей. Мои карточки больница не имела права принять, и они отоваривались в магазине. В магазинах, как правило, не обвешивали. За обвес очень строго наказывали, вплоть до расстрела, и очень часто проводились контрольные закупки. Между тем магазинам разрешалось заменять один продукт другим. Например, по мясным талонам магазин мог продавать дешевую рыбу, а сливочное масло могло быть заменено маргарином, маргагуселином, подсолнечным, рапсовым или хлопковым маслом. Вместо сахара продавались дешевые конфеты или сахарин.

Кроме того, продаваемые в магазине крупы стали содержать 20–30% жмыхов или крупяной пыли, вместо подсолнечного масла могли продавать смесь растительных масел.

Такая замена магазину разрешалась только с согласия владельца карточки. Как и кто устанавливал нормы замены одного продукта другим — ни покупатели, ни продавцы, ни проверяющие, как правило, не знали. Отстояв длинную очередь, уже голодающие люди соглашались на любую замену и брали то, что было в данный момент в магазине.

В этот период вместо довоенных игр у меня появились новые обязанности и интересы. Прежде всего, я должен был обойти все ближайшие магазины, узнать, что туда сегодня завезли, и занять при необходимости очередь. Потом пробежаться по ближайшим садам, таким как Польский и Измайловский, а также по ближайшим скверам, где росли дубы, с целью собрать хотя бы немного желудей. Этот промысел пришлось довольно быстро забросить из-за большой конкуренции и значительных для меня расстояний до мест сбора.

Но все же до конца октября удалось собрать около 1,5 кг желудей. В сентябре и октябре мама иногда из них заваривала кофе, а в ноябре их уже варили и ели как основное блюдо. Кроме желудей, я собирал плоды боярышника, уже увядшую или засохшую крапиву и лебеду.

Боярышник рос на территории больницы. Урожай был хороший, конкурентов было мало. Удалось собрать около 4 кг. Правда, у боярышника мякоти было очень мало, а косточки очень большие и жесткие. Но все равно эти ягоды очень пригодились в ноябре и декабре месяце. Крапива, лебеда и другие полезные травы в сентябре и октябре уже переросли и начали увядать, но мама их

сушила и мелко резала, а потом добавляла в супы и эти супчики становились погуще и немного калорийнее.

Я осваиваю профессию рыбака

Кроме сбора трав и плодов, в это время мне удалось освоить, и довольно успешно, профессию рыбака. Еще до войны я с ребятами из больницы ходил на Фонтанку с удочкой. Мы подолгу сидели с удочками на пирсе перед центральным входом в больницу. Однако только в отдельные удачные дни удавалось выловить несколько маленьких плотвичек или ершей, которых потом отдавали на съедение кошкам. Если клев был совсем плохой, то от нечего делать мы спускались по балкам пирса к воде и там наблюдали подводный мир Фонтанки.

В частности, было очень интересно наблюдать за стайками рыбок под названием «колюшка». Длина такой рыбки составляла 3–5 см, на спине и по бокам у нее торчали три довольно острые колючки. Плавали такие рыбки стайками численностью от 50 до 100 штук на глубине не более полуметра. Перед косяком всегда плыли три рыбки-разведчицы. Они вначале проплывали впереди стаи на расстоянии 10–20 метров, потом возвращались к стае, и только потом по разведанному пути плыла вся стая. Такую рыбу можно было очень легко ловить с помощью небольшой сетки. Для этого надо было пропустить над сеткой туда и обратно разведчиков. А когда над сеткой проплывала стая, нужно было вытащить сетку и собрать попавшую в нее рыбу. За час–два такой рыбалки в погожий день удавалось поймать примерно до 0,5 кг рыбы. Такую рыбу невозможно было чистить и потрошить, так как рыбка состояла из головы, костей хребта, жестких боковых пластин и трех острых колючек.

Набережная реки Фонтанки напротив главного входа в Александровскую больницу. Фото XIX в.

Такую рыбу в Ленинграде до войны, кроме малолетних мальчишек, никто не ловил. Да и они ловили ее только ради развлечения, так как даже кошки ее не ели. Но, когда в Ленинграде начались перебои с продуктами, такой вид рыбалки очень пригодился. Такую рыбу можно было прокрутить через мясорубку и потом из этого фарша сделать котлеты. Получалось очень вкусное, по блокадным меркам, и очень калорийное блюдо. На такую рыбалку можно было ходить только в безветренный, желательно солнечный день. Если был ветер, шел дождь или была очень мрачная пасмурная погода, такая рыба не ловилась. Мешали такой рыбалке также немецкие обстрелы и бомбежки.

И чем холоднее становилась вода в Фонтанке, и чем чаще портилась погода, тем меньше удавалось поймать рыбы. В середине октября рыбалку пришлось прекратить, так как у берега вода в Фонтанке стала покрываться льдом и стайки рыб стали плохо видны. Кроме того,

из-за плохого питания мне стало все труднее и труднее спускаться к воде по балкам пирса.

Чем я занимался еще

Вместо рыбалки я и другие ребята часто лазили в сгоревшие больничные бараки и находили там много нужных, полезных и часто дефицитных вещей: то медный чайник, то граненые стаканы, то двухлитровый бидон или алюминиевую кастрюлю, или кухонный нож. А однажды я нашел силовой трансформатор, из которого удалось извлечь грамм 200 конопляного масла. Места сгоревших барачков осенью и особенно зимой постепенно расчищались. С этого пожарища работники больницы уносили и увозили обуглившиеся, но не сгоревшие бревна. Эти бревна чаще всего пилили на чурки для газогенераторов больничных автомашин. А я и другие дети сотрудников часто туда приходили набрать щепок для своих «буржук» и поискать что-то полезное для дома.

С другими детьми работников больницы, по просьбе администрации, я обходил жилые дома на территории больницы и наблюдал за наличием светомаскировки окон. Также примерно раз в две недели мы собирали пустые стеклянные бутылки, в которые потом военные заливали «коктейль Молотова» (это такая быстро воспламеняющаяся на воздухе жидкость). На фронте такие бутылки использовали для борьбы с танками, как гранаты.

После обстрелов и бомбежек мы занимались сбором осколков от бомб и снарядов, которые потом шли на переплавку, или находили и как-то отмечали места, где лежали очень тяжелые металлические предметы, которых нам было не поднять. Эти места потом показывали сборщикам металла.

Станция поселка Парголово

За продуктами к бабушке

Мои бабушка и дедушка, мамины родители, жили в «далеком» в то время пригороде Ленинграда — поселке Парголово, на втором этаже двухэтажного дома, стоящего рядом с перроном станции. Дед до войны и во время блокады работал там начальником этой станции. Рядом с этим домом деду был выделен небольшой участок земли под цветы и огород размером 2–3 сотки. На этом участке бабушка каждый год сажала разные овощи — картошку, капусту, морковь, репу, свеклу. Во время войны поселок Парголово считался пограничной зоной. Линия фронта с финскими войсками находилась на расстоянии 10–15 км от Парголово. Чтобы туда приехать, нужно было обязательно получить пропуск. Такой пропуск маме удалось с большим трудом получить только в предпоследнее воскресенье октября.

В Ленинграде в это время уже выпал первый снег и температура стала опускаться ночью до минус 2–5 градусов. В день отъезда встали очень рано, в 5 часов утра. Мама одела меня в заячью шубу. Закутала в свой шерстяной платок, посадила в санки и повезла в сторону Финляндского вокзала. Трамваи по городу ходили, но не везде по своим маршрутам и с непредсказуемыми интервалами. Пешком дошли до Владимирской площади. Там удалось сесть на трамвай и переехать Литейный мост через Неву. На вокзал пришли примерно за час до отхода поезда. Поезда, проходящие через Парголово, в то время ходили только два раза в сутки. Приехали в Парголово часов в 9 утра.

Бабушка к нашему приезду напекла блинов по четыре штуки каждому, напоила нас настоящим грузинским чаем с сахаром. За завтрак все четверо съели по два очень вкусных блина. Оставшиеся блины бабушка оставила на обед, положила в миску, а миску поставила на самую верхнюю полку на кухне.

После завтрака все пошли работать в огород, где надо было убрать капусту, выкопать морковку и репу, а также перекопать грядки. При этом мама сразу же клала в мешок те овощи, которые ей выделяла бабушка. А бабушка ей выделила около 5 кг картошки, по килограмму репы и морковки, два довольно большие кочана капусты. А еще бабушка дала немного крупы и муки и бутылочку постного масла. Бабушка была родом из города Грязи, а там в их многодетной семье было принято даже в мирное время иметь в доме запас хорошо хранящихся продуктов минимум на полгода. Кроме того, мама уговорила бабушку не выбрасывать, а отдать ей всю ботву от морковки и репы, а также все корни от капусты. В общем, мешок с продуктами получился весом примерно килограммов 20.

Как и почему мы опоздали на поезд в Ленинград

Я вначале активно принимал участие в этих полевых работах. Однако потом начала сказываться накопившаяся усталость, связанная с ранним пробуждением и долгой дорогой. Мне все время хотелось где-нибудь присесть и хотя бы немного подремать. Бабушка заметила это, отвела меня в комнату, положила на диван, укрыла моей же заячьей шубкой и предложила поспать до обеда.

Я мгновенно уснул, но уже через полчаса проснулся от того, что в комнате очень сильно пахло блинами, и мой рот от этого был полон слюной, а в комнате никого не было. Я вспомнил, что блины остались от завтрака, и что бабушка поставила их на самую верхнюю полку на кухне, и что на каждого там приходилось по целых два блина. Я подумал, что неплохо было бы съесть свои два блина сейчас, а не дожидаться какого-то там обеда. Пошел на кухню, увидел миску с блинами и стал думать, можно ли до нее добраться. Вспомнил, что бабушка поставила миску на верхнюю полку, встав на табурет. Я подставил табурет, залез на него и смог достать только до самой нижней полки, а над ней были еще две. На кухне был еще кухонный стол на тонких ножках. Я подвинул этот стол к полкам, к столу подставил табурет, встал на стол. До миски с блинами не доставало еще совсем немного. Я осмотрелся и увидел на нижней полке большую кастрюлю. Поставил эту кастрюлю дном вверх на стол, встал на нее и, наконец, смог снять миску с блинами. Снимая блины, твердо решил, что съем только два причитающихся мне блина. Однако в процессе поедания вдруг обнаружил, что почему-то вместо двух съел четыре блина. В результате получалось, что я съел чужую порцию.

Я запаниковал и стал лихорадочно думать, что же теперь делать и что же теперь со мной будет. Выглянул в окно и увидел, что в огороде работы закончены и все вот-вот должны подняться наверх. Испугавшись, я закрыл двери на крючок, а сам решил спрятаться под бабушкину кровать. Совсем скоро дверь стали дергать, потом стучать в нее и требовать, чтобы я ее открыл. Потом все стихло. Прошло примерно полчаса, и я услышал, что кто-то ходит по кухне и этот кто-то открывает дверь. Мама и бабушка сразу сообразили, в чем дело. Бабушка даже обрадовалась, что не все блины были съедены. Мама сразу заглянула под кровать и вытащила меня оттуда. Потом меня, само собой, пристыдили, я получил от мамы две-три затрешины, пару шлепков по мягкому месту и был поставлен в угол. После этого все потеряли ко мне всякий интерес.

Взрослые дружно принялись благодарить работника станции Парголово, который вместе с бабушкой принес взятую на вокзале лестницу, поднялся с ее помощью через кухонное окно на кухню и открыл дверь. Потом стали активно обсуждать проблему нашего с мамой возвращения, потому что из-за моей проделки мы опоздали на последний в этот день поезд в Ленинград. Следующий поезд пойдет только утром. В этом случае мама опоздает на работу и у нее будут неприятности. Кроме того, мама боялась попасть под бомбежку или обстрел при возвращении утром. Немцы проводили обстрелы и бомбежки, как правило, утром и днем и очень редко — вечером. Трамваи при этом не ходили, и, где прятаться от обстрела в пути от вокзала до дома, мама не знала.

Потом стали провожать бабушку на вечернее дежурство. А когда он ушел, бабушка стала советоваться с мамой, где ее и меня положить ночью спать. Потом они еще

раз очень вяло пристыдили «обжору», но все же вывели меня из угла и налили тарелку овощного супа.

Как мы ехали в Ленинград на паровозе и как потом добирались домой

Только я успел съесть суп, пришел дедушка и сказал, что через полчаса через станцию Парголово пройдет в сторону Ленинграда маневровый паровоз и что машинист этого паровоза согласился на несколько минут остановиться на станции для того, чтобы забрать и подвезти до Ленинграда дедушкиных родственников. Мама быстро собралась, одела меня, и все во главе с дедушкой побежали на станцию. На станции действительно минут через десять остановился громко дышащий паром маневровый паровоз. Мама и я быстро погрузились в его кабину. Меня посадили у левого окна, а справа, у такого же окна, сидел машинист. Мама пристроилась в левом углу, а в центре ходил, постоянно подбрасывая в топку паровоза уголь, кочегар. Паровоз свистнул и быстро-быстро поехал, периодически сигналив своим гудком на всех переездах. Уже через полчаса мы были в Ленинграде. Правда, паровоз не подошел к пассажирскому перрону Финляндского вокзала, а высадил нас у какой-то сортировочной горки, так что пришлось нам добираться до трамвайных путей минут двадцать. Между тем с трамваем нам повезло.

Кондуктор трамвая, который подошел через несколько минут после того, как мы очутились на остановке, сказала, что трамвай довезет нас до Варшавского вокзала. А от Варшавского вокзала до проспекта Москвиной пешком всего 15–20 минут. Таким образом, примерно за час до начала комендантского часа мама и я были уже дома. Все привезенные продукты мама спрятала в стоя-

щий в прихожей сундук и закрыла его на большой висячий замок.

Ботву от морковки и репы мама повесила в комнате сушиться и категорически запретила мне эту ботву есть. Потом она эту сушеную ботву почти две или три недели добавляла в суп. Продукты, привезенные от бабушки, позволили более-менее сносно питаться почти весь ноябрь маме, мне и, периодически, брату Лёне.

Лёня

Когда началась война, моему брату Лёне уже исполнилось 14 лет и он окончил семилетнюю среднюю школу. После школы Лёня решил продолжить обучение в ремесленном училище и получить там профессию фрезеровщика. Документы туда он подал еще до войны. Был в училище на дне открытых дверей. Ему там все нравилось. В училище каждому принятому предоставлялась красивая форма, выплачивалась стипендия, учащиеся бесплатно обедали, иногородним предоставлялось общежитие. В училище были спортивный и актовый залы, можно было записаться в различные кружки и спортивные секции. После двухгодичного обучения выпускник получал как минимум 3 разряд и распределялся на работу на один из ленинградских заводов. Занятия в училище должны были начаться 1 сентября.

Однако война многое изменила. В связи с началом войны поступило распоряжение начать занятия в ремесленных училищах уже 1 июля. Этим же распоряжением срок обучения сокращался до одного года. А уже с 3 июля из-за практически полного отсутствия преподавателей (молодые были призваны в армию, а пожилые были мобилизованы на работу в оборонных предприятиях) ремесленников также перевели на действующие предприятия, где

они обучались, выполняя конкретные производственные задания под присмотром квалифицированных рабочих. О серьезной учебе по выбранной профессии, например фрезеровщика, также пришлось забыть. В это время все, кого приняли на обучение в ремесленное училище, выполняли работы, необходимые для поставок продукции для фронта. В связи с этим им приходилось учиться работать на различных металлорежущих станках и выполнять другие работы, не связанные со станочным оборудованием. Заниматься, например, погрузо-разгрузочными работами, работать на сборочных операциях, комплектовщиком, сварщиком, уборщиком цехов и территории предприятия, а также они рыли окопы и рвы, выполняли работы по установке противотанковых ежей.

Лёня рассказывал, что ему приходилось уже в период с июля по октябрь работать на многих металлорежущих станках. Кроме работ на фрезерном станке, он выполнял настоящие производственные задания на токарных, сверлильных, револьверных, шлифовальных станках, гильотине, станках точечной сварки, на штамповочном оборудовании.

При этом если в июле продолжительность рабочей смены для учащихся ремесленного училища составляла в среднем 4–6 часов, то уже в августе они работали полную 8-часовую смену. Начиная с сентября, этим ребятам приходилось иногда работать уже и сверхурочно по 12–14 часов, в том числе и в воскресные дни.

Домой Лёня приходил после работы два-три раза в неделю или в выходной, в основном чтобы поесть и отдохнуть после напряженного трудового дня. Ночевать уходил в училище, так как утром ни в коем случае нельзя было опаздывать на смену.

Но дома Лёня не только отдыхал. Чем мог, он помогал маме. Он колот и приносил из сарая дрова, практически

Заменил отца. Фото ТАСС. 1941 г.

сам изготовил и смонтировал в нашей комнате печку-буржуйку, подшивал мои и мамины валенки, изготовил лампадку, две зажигалки из патронных гильз, масляную (на солярке) лампу на случай отключения электричества, залудил железную кастрюлю и бидон.

В рабочие дни недели, начиная с сентября, Лёня приходил домой все реже и реже. Жаловался, что очень устает, а до дома от работы надо было проходить шесть трамвайных остановок и столько же обратно. За август и сентябрь он очень похудел и вытянулся.

6.

Жизнь в Ленинграде с каждым днем становится все хуже

Несмотря на голодную блокаду, большинство ленинградцев верили, что блокаду вот-вот снимут. Об этом почти каждый день говорила мама. Об этом каждый раз, когда приходил домой, говорил Лёня. Об этом говорили люди в очередях и в бомбоубежищах. В это верили все ребята, жившие на территории больницы. Об этом намекали, несмотря на цензуру, в своих письмах военные, находящиеся на передовой, и прямо говорили раненные и командированные с передовой военнослужащие, ссылаясь на октябрьский 1941 года приказ И. В. Сталина о проведении контрнаступления.

Эту веру подкрепляли слухи о боях в районе Невской Дубровки, о бое десанта моряков в Петергофе, о боях в районе города Тихвина и т. д. Радио и газеты об этом писали или очень кратко, или вообще ничего не сообщали, но «сарафанное радио» работало безотказно, обрастая целым рядом имевших и не имевших место в действительности подробностей. В связи с этим многие ленинградцы, не занятые на производстве, не работавшие непосредственно на оборону города, в их числе — творческие и научные работники, относящиеся к категории «иждивенцев» пенсионеры, домохозяйки, дети и т. д., несмотря на призывы, агитацию и довольно хорошо в условиях войны налаженную эвакуационную работу, не хотели и не спешили уезжать из Ленинграда, где они

родились, где были их дома, имущество, родственные и другие связи.

Между тем положение Ленинграда и его жителей с каждым днем ухудшалось. В результате долгих (двухмесячных) и кровопролитных боев на Невской Дубровке на левом берегу Невы у немцев был отвоеван лишь небольшой плацдарм, получивший название «Невский пятачок». В то же время десант моряков в Петергофе попал в засаду и почти полностью погиб. А контрнаступление под Тихвином было сорвано немецким наступлением, которое началось на несколько дней раньше нашего контрнаступления. В результате удалось лишь отстоять Тихвин и Волховскую ГЭС и сорвать план немцев окружить Ленинград вторым кольцом, полностью лишаяющим город связи с «большой землей», в том числе и через Ладожское озеро. Однако прорвать блокаду и пробить сухопутный коридор с железнодорожной веткой, позволявшей связать Ленинград с «большой землей», нашим так и не удалось.

Если июнь, июль и август были теплыми и почти без дождей, то в сентябре температура воздуха значительно снизилась. В сентябре и до середины октября было еще относительно сухо, но по ночам уже начались заморозки до 2–3 градусов. В середине октября выпал первый снег и уже днем температура воздуха стала опускаться ниже нуля градусов. В ноябре установились устойчивые морозы от 4 до 12 градусов. Все водоемы города покрылись льдом. В конце ноября начались снежные метели и по льду всех водоемов города, кроме Невы, уже можно было ходить.

Однако ленинградцев и, в первую очередь, руководителей города, прежде всего, интересовали не появление льда на городских водоемах, а появление устойчивого ледяного покрова на Ладожском озере. Только через это

озеро можно было организовать снабжение города продовольствием и всем другим необходимым.

Наконец, Ладожское озеро также стало замерзать. В конце октября на его поверхности появилась ледяная каша. В начале ноября эта каша превратилась в отдельные льдины. К середине ноября поверхность озера уже была покрыта сплошным ледяным покровом.

По чистой воде озера снабжение города осуществлялось с помощью находящихся в Ладожском озере плавсредств (барж, баркасов, прогулочных пароходов, рыболовецких и военных судов и т. д.). При появлении ледяной каши и отдельных льдин количество рейсов этих плавсредств с каждым днем сокращалось, а время их в пути — увеличивалось.

С появлением сплошного льда все плавсредства встали на прикол. Соответственно в эти две-три недели ноября доставка грузов, и прежде всего продовольствия, сначала сократилась, а потом прекратилась вообще. В городе начался жестокий голод, к которому большинство ленинградцев и руководство города были не готовы.

Нормы хлеба, выдаваемые по карточкам, после начала блокады за пять месяцев (с июля по ноябрь) снижались пять раз. В июле норма хлеба по карточкам составляла для рабочих 800 грамм, для иждивенцев и детей 600 грамм. Второго сентября эти нормы были соответственно — 600 грамм для рабочих и 400 грамм для иждивенцев и детей. Одиннадцатого сентября — уже 500 для рабочих, 300 для иждивенцев и 250 грамм для детей. Первого октября нормы снизились соответственно до 400 и 200 грамм. Тринадцатого ноября нормы уже снизили до 300 и 150 грамм. А с 20 ноября до 25 декабря 1941 года эти нормы уже составляли соответственно 250 и 125 грамм. С конца октября почти полностью прекратилась продажа по карточкам целого ряда других про-

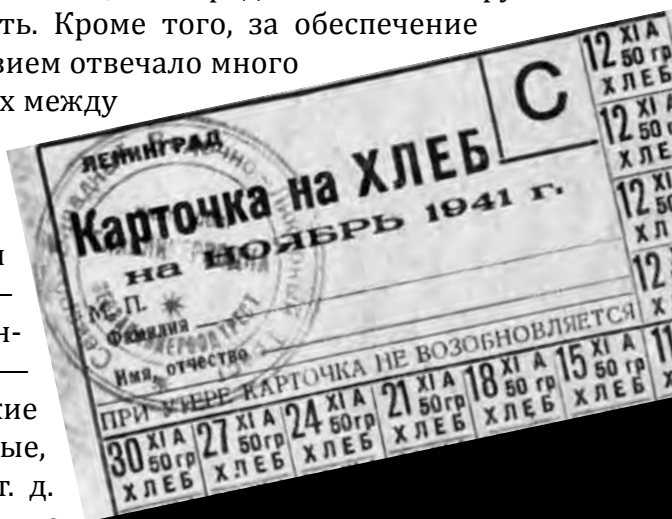
дуктов (рыбы, мяса, масла, овощей и т. д.) Эти продукты, поступавшие в это время в город в очень небольшом количестве, направлялись только в действующую армию, на оборонные производства и другие предприятия или учреждения, работавшие на оборону, для организации горячего питания работников.

Ленинград до войны с другими городами и регионами страны связывала широкая сеть железных дорог. Многие в Ленинград доставлялось и из Ленинграда отправлялось водными путями. По этой сети железных и водных дорог Ленинград получал со всех концов страны все необходимое для работы промышленности и жизнедеятельности населения. В свою очередь Ленинград отправлял в другие регионы страны по этой сети свою продукцию. Продвижение немецких войск на восток страны постепенно разрушало эти сложившиеся связи, вынуждая руководство страны и Ленинграда налаживать, организовывать и строить новые связи, в том числе и поставку в город продовольствия. Для налаживания и организации этих новых связей и их согласования и утверждения в Москве требовалось определенное время. Естественно, что в этот временной период налаживания и согласования поставки в город не проводились.

В начале войны в Ленинград, как в далекий тыловой город, непрерывным потоком шли поезда и водные транспортные суда с беженцами, продуктами питания, а также с оборудованием, которое удалось спасти от немцев. Все это из Ленинграда затем в подавляющем большинстве случаев отправлялось дальше на восток. До войны руководство города знало, что складские помещения города всегда имели трех-четырехмесячный запас продовольствия, обеспечивающий необходимые потребности населения. В связи с этим проблема обеспечения города продуктами руководством города считалась второстепенной. Ни у кого из руководителей города даже в мыслях не было, что город может быть окружен и будет голодать. Кроме того, за обеспечение города продовольствием отвечало много

разных, не связанных между собой организаций и ведомств. Армию снабжали одни ведомства, военный и гражданский флот — другие, государственную торговую сеть — третьи, коммерческие магазины — четвертые, рынки — пятые и т. д. Руководство города до

начала сентября не учитывало и не знало, сколько и какого продовольствия находится в городе и сколько его потребляет в день население и армия. Такой учет был налажен после пожара на Бадаевских складах, когда немцами были перерезаны обе железнодорожные ветки, связывающие Ленинград с Москвой. То есть фактически после того, как город оказался в блокаде, и потребова-

лось организовывать поставку продуктов через Ладожское озеро.

В Ленинграде начался жестокий и катастрофический голод

В конечном итоге катастрофический голод в Ленинграде возник из-за стечения целого ряда неблагоприятных обстоятельств.

Первым и самым главным таким обстоятельством была целая серия поражений и отступлений наших войск, в результате которых немецкие войска последовательно перерезали все железнодорожные пути, связывающие Ленинград с поставщиками продуктов. После захвата немцами железных дорог между Ленинградом и Прибалтикой, Ленинградом и Новгородом, Псковом, станцией Дно и другими западными городами объемы поставок продуктов в Ленинград остались на прежнем уровне. Эти поставки поступали в город по Октябрьской железной дороге и железной дороге Ленинград – Москва-Бутырская, но, естественно, сроки этих поставок значительно увеличивались.

По этим железным дорогам грузы приходили непосредственно в город на Московский вокзал и в самые короткие сроки затем попадали на склады потребителей.

После прекращения сообщения по этим двум железным дорогам в конце августа поставка продуктов в Ленинград стала возможна только по железной дороге из тыла страны до города Тихвина, из Тихвина по железной дороге или автотранспортом до города Волхова, затем около 15 км автотранспортом до поселков Кобона и (или) около 25 км до поселка Новой Ладоги, затем водным транспортом (на расстоянии соответственно

около 40 и 100 км) до устья реки Невы и опять около 40 км железнодорожным или авто-транспортом вдоль северного берега Невы до Ленинграда. Очевидно, что такой путь доставки продуктов заранее не планировался. В связи с этим для организации такого пути требовались значительные затраты по времени, материальным и человеческим ресурсам. Работы осложнялись неблагоприятными погодными условиями и сложной обстановкой на фронте. Естественно, что при таких условиях начались значительные перебои поставок и резкое сокращение их объемов. Кроме того, до одной трети поставок безвозвратно пропадало из-за налетов немецкой авиации и бурь на Ладожском озере.

Крутой нрав Ладожского озера был известен и отмечался всеми, кто жил или работал на этом озере. В плохую погоду озеро превращалось в кипящий котел, когда относительно небольшие волны (2–3 метра) захлестывают и не дают выплыть на поверхность любому судну и это судно тонет. В связи с этим еще при Петре I вдоль берега Ладожского озера был прорыт канал протяженностью более 100 км, по которому суда могли плыть в любую погоду.

Южная часть канала в начале сентября 1941 года была также захвачена немцами, поэтому поставки в Ленинград, пока озеро не замерзло, могли осуществляться только по воде самого озера и только в хорошую погоду.

Между тем в хорошую ясную погоду любое судно на озере было видно с воздуха, как на ладони, и представляло собой малозащищенную цель для немецких самолетов.

Последней и самой тяжелой причиной неизбежности голода в Ленинграде был захват 16 октября немцами железной дороги, идущей в город Тихвин, и 8 ноября 1941 года самого города Тихвина. С потерей Тихвинской

Финские войска

Лодейное Поле

д. Карпино

д. Новинка

Военная автомобильная дорога

Староладожский канал

Сясьстрой

Новая Ладога

ВОЛХОВСКИЙ ФРОНТ

р. Волхов

Волхов

д. Еремина гора

р. Сясь

ст. Заборье →

р. Волхов

Тихвин

железной дороги фактически была прервана вся железнодорожная связь Ленинграда со страной.

Все железные дороги западнее и южнее Ленинграда были перекрыты немцами, а единственная железная дорога, идущая на север и связывающая Ленинград с городом Петрозаводском, была захвачена финнами.

Таким образом, с середины (с 16) октября до конца декабря 1941 года город оказался фактически в полной блокаде. Кроме того, немцы готовили очередную наступательную операцию, целью которой были создание второго плотного кольца вокруг Ладожского озера и соединение с финскими войсками в районе реки Свирь и города Лодейное Поле.

Все поезда с продуктами для Ленинграда после захвата Тихвина вынуждены были останавливаться у полустанка Заборье на расстоянии 160 км от Волхова и примерно в 200 км от берега Ладоги.

После падения города Тихвина снабжение Ленинграда по суше и воде было возможно только теоретически автотранспортом по бездорожью в направлении портов Ладожского озера: поселков Кобона и Новой Ладоги, а затем по воде или льду озера.

На момент захвата немцами Тихвина (8 ноября) в поселках Кобона и Новая Ладога находился 20-дневный (уже по блокадным нормам) запас продуктов, ранее доставленных туда для города. Однако эти продукты доставить в город было невозможно из-за штормовой и ледовой обстановки на озере.

Лед на озере стал появляться уже в середине октября. В связи с этим все плавсредства в конце октября встали на прикол. Лишь несколькими военными судами с очень прочным корпусом удалось в этот период прорваться через озеро и доставить несколько десятков тонн продуктов.

О Дороге жизни через Ладогу и возможности эвакуации

Ладога полностью покрылась льдом только в середине ноября. Однако толщина льда пока не могла выдержать грузовик. В связи с этим, кроме разметки ледовой трассы, проводились работы по увеличению толщины льда. Для этого трассу поливали водой. Первый караван машин по льду прошел из поселка Кобона в Ленинград только 22 ноября.

В связи с потерей города Тихвина и становлением льда на Ладоге продовольствие в Ленинград доставлялось почти около двух месяцев только самолетами, что составляло не более 0,1 процента потребности города, а резервные его запасы уменьшались с катастрофической быстротой.

А между тем надо было кормить город с населением около 2,5 миллионов человек. При этом на достаточно высоком уровне требовалось обеспечивать продуктами некоторые категории населения. В первую очередь надо было кормить действующую армию и милицию. Численность этой группы на ленинградских фронтах в самом городе насчитывала примерно 600–700 тысяч человек. На втором месте была группа работников с особо напряженным трудом. К этой группе относились врачи, руководители оборонных предприятий, гражданское руководство города, в том числе его партийное руководство. Все, кто входил в эту группу в 1941 году, вынуждены были работать практически круглосуточно с ответственностью за порученные дела вплоть до расстрела. Эта группа насчитывала не более 50 тысяч человек. Все партийное руководство города (обкома и райкомов) в это время составляла всего не более 800 человек. Кроме того, нуж-

Доставка продовольствия в период навигации

но было обязательно кормить рабочих, непосредственно занятых на производствах, обеспечивающих армию и город всем необходимым для обороны и жизнедеятельности города. Численность этой категории составляла примерно 800–900 тысяч человек. Потом шла категория служащих численностью 200–300 тысяч, т. е. работников городских служб и предприятий, выполнявших работы, не связанные с физическим и другим производительным трудом (это в основном конторские служащие). И самой последней категорией жителей города и самой бесполезной для его обороны, которой в блокадном Ленинграде уделялось меньше всего внимания, была группа иждивенцев и детей. К этой группе были отнесены творческие работники, пенсионеры, домохозяйки, беженцы, инвалиды и другие жители, которые по каким-то причинам нигде не работали. Численность этой группы составляла в октябре примерно 700–800 тысяч человек.

Обозы гужевого транспорта на льду Ладожского озера

Зимняя эвакуация

Руководство города всеми правдами и неправдами старалось избавиться от этой последней категории жителей. В связи с этим в каждом районе города были организованы пункты для желающих эвакуироваться.

Между тем, несмотря на то что к началу ноября из города было эвакуировано более 300 тысяч иждивенцев, большинство из которых были женщины с детьми, в городе на ноябрь еще оставалось приблизительно 500 тысяч иждивенцев (пенсионеров, домохозяек, детей и т. д.).

Эвакуация этой категории жителей Ленинграда проводилась при любой возможности. По воде Ладоги на баржах и буксирах, пока она не замерзла, на военных кораблях, когда вода только начала замерзать, пешком или с использованием гужевого транспорта по уже замерзшей воде озера, пока еще не была организована и проложена автомобильная трасса, на автомобилях по Дороге жизни, самолетами. С другой стороны озера, пока не был освобожден от немцев город Тихвин, эвакуированных доставляли по проселочным дорогам и временным дорогам-зимникам, пешком, на телегах, автотранспортом в обход немецких позиций примерно на расстояние около 100 км до станции Заборье, где уже формировались поезда вглубь страны.

И все равно многие ленинградцы, в том числе моя мама и Лёня, несмотря на голод и холод, не хотели эвакуироваться и надеялись, что блокада вот-вот будет прована.

Мы голодаем

Начиная со 2 сентября нормы продуктов, выдаваемых по карточкам, стали снижаться с катастрофической быстротой. В связи с этим для многих ленинградцев стало очень выгодно передавать свои продовольственные

карточки в общепит своего предприятия, так как там более организовано и с меньшими перебоями было налажено, как правило, двухразовое горячее питание своих работников. Свои продовольственные карточки, кроме хлебных, мама и Лёня давно уже в августе передали соответственно в больницу и на завод. Это избавляло их от необходимости отоваривать эти карточки и ежедневно что-то готовить для себя. Мои карточки мама отоваривала один раз в 5–10 дней. Узнавал о появлении продуктов и занимал очередь я.

Партийные, комсомольские организации и руководители предприятий были обязаны организовать строгий и постоянный контроль в пунктах питания предприятия за тем, чтобы никто не мог съесть лишнюю порцию, и чтобы каждый обязательно съел порцию, ему положенную. Взять свою порцию в какую-то емкость и унести из столовой категорически запрещалось. Можно было в редких случаях спрятать и вынести только часть второго блюда. Руководство города, партийные органы и администрации предприятий считали, что в противном случае работники будут хуже справляться со своими производственными обязанностями и выполнять их.

Если до войны и в самом ее начале, например, в больнице в наряд на кухню направлялись фактически в наказание за какие-то упущения, то, начиная с сентября, на кухню направлялись только передовики производства и (или) наиболее активные общественники. На кухне при прочих равных условиях направленные туда работники получали положенные им порции, увеличенные примерно в полтора раза, и к тому же они имели право взять с собой какие-то пищевые отходы. Например, мама за три самых голодных месяца (ноябрь, декабрь и январь) работала на кухне только один раз. В качестве премии за ра-

боту на кухне ей было разрешено взять в конце работы примерно 0,5 кг картофельного мундира (шкурки отварного картофеля). Из этих шкурок дома она приготовила очень вкусные по блокадным меркам котлеты, которые мы ели потом целых три дня.

Между тем, очевидно, что нормы потребления продуктов, сниженные по сравнению с довоенным уровнем в 3–4 раза, были явно недостаточны для того, чтобы люди могли нормально работать и жить.

С каждым днем, начиная с октября, недоедание сказывалось на поведении и работоспособности каждого ленинградца. К этому добавлялся холод. Все тяжелее я и мама просыпались утром. Комната за ночь очень сильно остывала. К утру температура в комнате опускалась до 10–15 градусов. Утром мама вставала и сразу начинала топить буржуйку. На ней же кипятила воду в кружке или в ковшике. В этом кипятке разводила половину моей дневной нормы хлеба, добавляла туда немного (примерно чайную ложку) какой-нибудь крупы, сушеных листьев, стеблей или корней, которые мы привезли от бабушки или которые насобирал я, и кормила меня этим варевом. Сама она это не ела, так как утром завтракала в больнице. Ее завтрак обычно состоял из какой-нибудь каши, стакана морковного чая, хлеб приносила с собой. На обед сотрудники и больные ели жидкий овощной или крупяной суп, а на второе — кашу, макароны или овощное рагу, как правило, из сушеных овощей. Два или три раза в неделю во вторые блюда добавлялось немного рыбных или мясных консервов. Мой обед практически был такой же, как и завтрак. Правда, иногда маме удавалось раздобыть какую-нибудь вкуснятину, например муку, сухое молоко, яичный порошок, картофельный мундир, макуху, дуранду, конфеты подушечка, банку рыбных консервов, сало... Все это мама старалась добыть

к приходу Лёни, чтобы и его немного поддержать. Тогда и мое меню было более разнообразным.

Сенной рынок города Ленинграда

Все эти вкусности и многое другое можно было достать на рынке. Ближайший к нам рынок располагался в начале Московского проспекта (этот проспект несколько раз переименовывался). В разное время он назывался Забалканским, Международным, проспектом им. Сталина. Этот рынок имел два входа: со стороны Сенной площади и со стороны реки Фонтанки. Рынок назывался Сенным.

Сенной рынок в Ленинграде был расположен совсем недалеко от нашего дома, всего на расстоянии трех трамвайных остановок. На рынке не нужны были никакие карточки. Все продавалось за деньги. Кроме денег, были еще три твердые расчетные валюты в виде граммов хлеба, водки и штук табачных изделий. Если не было денег, хлеба, водки или табака, можно было что-то на что-то

поменять. Например, поменять маленькое золотое колечко, желательно с драгоценным камнем, на большую буханку хлеба или большие старые ношенные валенки на маленькую (детскую) дневную карточную норму хлеба.

Несмотря на блокаду, холод и голод, Сенной рынок ежедневно был до предела заполнен продавцами и покупателями. На этом рынке покупалось и продавалось практически все. Правда, этот рынок имел некоторые отличия от обычных рынков. Например, на этом рынке можно было купить вместо сахара землю, пропитанную жженым сахаром. Такая земля добывалась на месте сгоревших Бадаевских складов и продавалась на рынке стаканами. Если продавец продавал свежего кролика, то покупатель твердо знал, что на самом деле это кошка. Если продавалась баранина, на все сто процентов можно было быть уверенным, что это свежезарезанная собачка. Тушка цыпленка, скорее всего, раньше была вороной. А вот если продавец утверждал, что продает говядину, то тут возможны были варианты. Наиболее вероятными из них были два: продается конина или человечина. На рынке много продавалось мясных и рыбных консервов в железных банках. При этом на многих банках отсутствовали какие-либо надписи или бумажные наклейки. Мясные консервы в армию поставлялись только трех видов: тушенка говяжья, свиная или конина. Любой военный, даже если на банках не было надписей или наклеек, мог их легко отличить друг от друга и безошибочно определить подделку. А вот гражданские люди могли ошибиться и купить в виде

обычной тушенки — что-то из неизвестных животных, скорее всего крыс. А муку и сухое молоко часто продавали с примесью мела или жмыхов.

Цены на этом рынке были запредельные — более чем в 10 раз отличались от цен на продукты в государственных магазинах по карточкам. Несмотря на все это, рынок все же спасал многих людей от голодной смерти. Все, кто работал на предприятиях и в организациях Ленинграда, могли на этом рынке все же в небольшом количестве

что-то купить из продуктов, пусть даже очень низкого качества и по грабительским ценам.

Так, например, мамин оклад медсестры, начиная с ноября месяца, составлял 350 руб. Из этих денег примерно 200 руб. тратились на продукты по карточкам (по моим карточкам и за питание в больнице). На оставшиеся деньги можно было на рынке купить около 3–4 кг блокадного хлеба или 5 кг макухи, что в самые голодные ноябрь и декабрь могли служить весомой добавкой к карточному рациону.

В этот же период времени Лёня уже получал на заводе заработную плату порядка 250–300 руб., из которых он мог тратить на себя также около 150 руб.

Почему в Ленинграде не ловили и не продавали свежую рыбу

Пётр I хотел и строил Петербург как северную Венецию на реке Неве и на берегу Финского залива. Город пересекают множество рек и каналов. Рядом с городом находится Финский залив. Всего в 50 км находится громадное

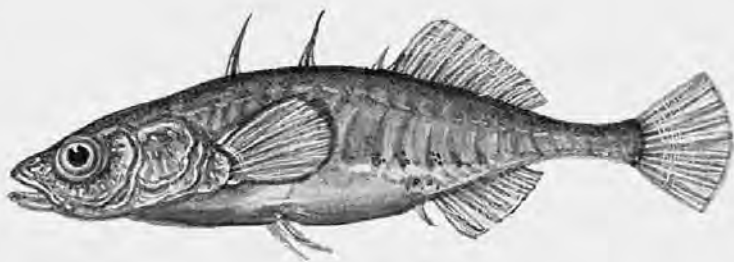

Обмен вещей на продукты

пресноводное Ладожское озеро. На Карельском перешейке и в других пригородах города расположено множество озер. В каждом из этих водных объектов водится в значительном количестве разнообразные виды рыбы. Весной, например, до войны чуть ли на каждом углу продавалась свежая корюшка и живые миноги. Между тем во время войны, ни осенью, ни тем более зимой, в Ленинграде свежей речной, озерной или рыбы из Балтийского моря не было ни в государственных, ни в частных магазинах, ни на рынках. В государственных магазинах иногда по карточкам можно было купить только мороженную морскую рыбу, выловленную на севере, или рыбные консервы.

Объясняется это достаточно просто. Во-первых, вылов рыбы в значительных промысловых объемах в водоемах Ленинграда и области был возможен только в определенные временные периоды, связанные с тем, когда рыба сбивается в косяки. Например, корюшку и миног в больших объемах можно было ловить только весной. Для вылова других видов рыбы требовалась обязательно хорошая погода, наличие необходимого количества плавсредств и оснастки в виде сетей, холодильников, средств переработки и доставки рыбы потребителю.

Кроме того, в хорошую погоду любой объект на воде был идеальной мишенью для самолетов, береговых орудий и даже любого стрелка. Нева практически на всем протяжении простреливалась от берега до берега из обычных винтовок и автоматов, так как один берег был практически полностью захвачен немцами. На Ладожском озере ловить рыбу можно было только в хорошую безветренную погоду. В шторм даже достаточно большие суда тонули. А в хорошую погоду немцы в 1941 году имели подавляющее преимущество в воздухе. Кроме того, у финнов на Ладоге было довольно значительное соединение боевых катеров. В Финском заливе и в Бал-

Рыбка «Колюшка»

тийском море у немцев также было подавляющее преимущество в боевых кораблях. Кроме того, там было много минных полей и очень сложный фарватер. В промышленных объемах рыбу можно было ловить только с использованием специализированных кораблей, называемых сейнерами. Однако в блокаду все плавсредства, в том числе и сейнеры, было намного выгоднее использовать для перевозки продуктов через Ладожское озеро. При ловле рыбы любое плавсредство должно было сначала найти рыбное место. А на это, как правило, уходило много времени и расходовалось много горючего. В связи с этим загрузить в трюм какие-то грузы и перевести их по известному маршруту было намного быстрее, безопаснее и выгоднее, чем использовать это плавсредство для рыбной ловли с неизвестным результатом.

Рыбу и в Неве, и в Финском заливе, и в Ладожском озере, и в других водоемах во время блокады, конечно, кто мог, ловил, но только для личного потребления или для небольшого коллектива. Например, для снабжения рыбой моряков и жителей острова Кронштадт рыболовная бригада вылавливала периодически в довольно значительных объемах рыбу колюшку (не путать с корюшкой), которая в мирное время считалась сорной рыбой и шла на переработку только в рыбную муку. Такая мука использовалась в качестве сельхозудобрений. Во время

блокады эта рыба помогла спасти многих жителей Кронштадта от голодной смерти. На этом острове в Финском заливе ей даже установлен памятник.

Несколько слов о дополнительных продуктовых источниках

Каждое предприятие старалось всеми правдами и неправдами поддерживать своих работников. В больнице, например, медсестрам вполне официально выдавали два раза в месяц по 100–150 грамм спирта, который при желании можно было поменять на другие продукты. Порции в больничном общепите старались немного увеличить за счет умерших больных. Умирало в больнице в это время примерно от 10 до 30 человек в день или 5–10% от числа госпитализированных. За счет задержки оформления факта их смерти на один–два дня больница могла получить продуктов на 5–10% больше. В больнице оказывали медицинскую помощь в основном гражданским лицам. В связи с этим питание больных осуществлялось за счет их продовольственных карточек. Карточки умерших, как правило, отоваривались еще один–два дня после смерти их владельца. За счет этого, например, стимулировалась сверхурочная работа дополнительным пайком или оказывалась продовольственная помощь работникам больницы в экстренных случаях.

У Лёни на работе вполне официально разрешалось из материала и с использованием оборудования предприятия в перерывах между плановыми и общественными работами изготавливать и реализовывать какие-то изделия (печки буржуйки, трубы к ним, зажигалки, ножи, лампы, санки) или выполнять дополнительные работы для гражданских лиц — лужение кастрюль, ведер

и тому подобное. Плановые оборонные заказы на его заводе в октябре–декабре шли очень неравномерно. То ему приходилось работать по 12–14 часов, в том числе в выходные дни, то все работы останавливались по различным причинам (нет электричества, материалов, заказов, инструмента). В эти перерывы, таких как Лёня, молодых ребят загружали общественными не оплачиваемыми работами по уборке снега, уборке цехов, дежурству в общезжитии и на крышах завода, рытью траншей, устранению последствий обстрелов и бомбежек...

В мои обязанности в эти месяцы входили работы по доставке домой воды из Фонтанки (как минимум два двухлитровых бидона) и дров из сарая для печки. Самому мне печку топить запрещалось. Печку буржуйку протапливала три раза в день мама. Работа у нее была трехсменная, и во время смены она всегда находила 10–20 минут, чтобы проверить и посмотреть, чем я занят и, если надо, протопить печку и дать мне чего-нибудь поесть.

Между тем, несмотря на эти дополнительные источники, еды нам троим все равно явно не хватало, к тому же то, что мы вынуждены были есть, было очень низкого качества и низкокалорийным. Все трое худели прямо на глазах, становились вялыми и малоподвижными. С большим трудом мы заставляли себя двигаться, все время хотелось есть и хотя бы немножко посидеть или полежать.

Я выхожу на охоту

Лёня и мама при встречах постоянно обменивались опытом добывания дополнительной еды, а я, к моему большому сожалению, ничем похвастать не мог. Рыбалка отпала — Фонтанка замерзла, сбор плодов и ягод с деревьев и кустов стал невозможен, так как все, что можно, уже было собрано, трава и корнеплоды ушли под снег.

Остался только один реальный способ добыть дополнительные продукты — это охота.

Бегая по территории больницы, я обратил внимание на двух санитаров. Как и другие санитары, они выполняли всякого рода погрузо-разгрузочные работы, переносили или перевозили лежачих больных, а также перевозили умерших в морг.

Оба санитары были инвалидами с детства. Один очень сильно хромал, другой был, почти слепым. Между тем они были всегда веселы, доброжелательны и по их внешнему виду и поведению было незаметно, что они сильно голодают и что им трудно выполнять, в общем-то, тяжелую физическую работу. В этот период умирало в больнице достаточно много больных, а тела умерших вывозились на кладбище не более двух раз в неделю. Для облегчения работ по хранению и погрузке умерших в морг покойников не заносили. Их складывали под открытым небом на специально расчищенной площадке прямо перед моргом. На улице был уже сильный мороз, поэтому тела умерших хорошо сохранялись. И в дальнейшем так их было гораздо удобнее грузить на машину. Наблюдая за санитарам, я установил, что это место было идеальным охотничьим угодьем. В городе к ноябрю практически не осталось никакой живности. До войны на территории больницы обитали около двух-трех десятков кошек, жили четыре собаки, на деревьях весной и летом жила громадная колония грачей. Зимой их гнезда занимали вороны и воробьи. Под крышами и на чердаках селились голуби. Вся эта живность в ноябре пропала. И только перед моргом весь снег был в следах большой колонии грызунов, которые, не спеша, уходили и плохо прятались при приближении людей. Я не раз видел, как эти два санитары уносили с этой площадки большие крысоловки, в которых находилось от 5 до 10 упитанных крыс.

Крысоловки у меня не было, и, где ее можно было достать, я не знал. С приманкой для крысоловки у меня также была проблема. В связи с этим я решил пойти на крыс в штыковую атаку. Трехгранный штык достать было намного проще. Я попросил Лёню, и он в свой следующий приход принес мне такой штык.

На следующий день я оделся по-теплее и пошел охотиться. Место охоты было довольно жутковатое. Но мертвецов за свою небольшую жизнь я уже повидал, и довольно много, и поэтому тех, что лежали на площадке перед моргом, почти не боялся. У меня была даже своя градация мертвых.

К первой группе я относил покойников, которых совсем бояться не надо. Первой покойницей, которую я увидел в своей жизни, была моя бабушка, папина мама. Она умерла своей смертью примерно за месяц до начала войны. Бабушка тогда лежала в красивом гробу, в нарядном платье, вся в цветах, со спокойным выражением лица. Потом, тоже перед войной, папа взял меня в больничный морг. Там ему надо было поменять перегоревшие лампочки. В морге на железных столах под простынями лежало несколько покойников и это тоже было совсем не страшно.

Ко второй группе я относил только что умерших. Это была, например, женщина, убитая осколком перед Троицким собором, или те, кто умер в палате больницы и кого санитары везили в морг.

К третьей группе я относил «трупы». Так я называл покойников, которые умерли уже достаточно давно, неделю или более, ожидали похорон вне пределов покойницкой и лежали явно неподготовленные к официальной процедуре. К «трупам» относились те умершие, которые лежали под открытым небом рядом с покойницкой больницы. Там умерших укладывали штабелями по три тела

в ряд и высотой в четыре ряда, всего по 12 умерших в штабеле. Они лежали в штабеле кто в чем. Одни в своем, как правило, старом и часто рваном нижнем белье, другие слегка прикрытые также рваной простыней или рогожкой, третьи почти совсем голые. Из штабелей торчали не прикрытые руки, ноги, головы, часто с искаженными лицами и какого-то неестественного бело-синего цвета. В общем, рассматривать эти штабеля было довольно неприятно.

В связи с этим я постарался сосредоточить все свое внимание на дичи. Ее здесь было довольно много. То там, то тут показывались крысиные морды или хвосты. Одна из крыс спокойно вышла из штабеля, села на задние лапы и уставилась на меня своими глазами-бусинками. Я наставил на нее штык и попытался ее проткнуть. Однако она очень ловко увернулась и опять села на задние лапы. Я еще раз попробовал ткнуть ее штыком. Она опять увернулась и с писком скрылась под штабелем трупов. Вместо нее из-под штабеля появились сразу несколько крыс. Я пытался ткнуть одну из них штыком. Опять неудача. Она, также с писком, скрылась в штабеле, а оттуда появились новые крысы. На открытом пространстве перед штабелями уже появились больше двух десятков крыс. Пока я соображал, на кого направить штык, все это крысиное сборище вдруг

кинулось на меня. Несколько крыс вцепились мне в валенки. Две–три подпрыгнули и вцепились мне в пальто. Бросив штык и стряхнув вцепившихся в пальто крыс, я побежал по протоптанной дорожке прочь от штабелей. За мной гналась целая серая река крыс. Я чувствовал, что по протоптанной дорожке мне от них не уйти. В связи с этим я прыгнул в глубокий снег рядом с дорожкой. Там я уже бежать не мог, но и крысы в снег не полезли. Они бегали по дорожке, вставали на задние лапы и смотрели, где я нахожусь.

В этот момент на дорожке показались санитары, которые на санках везли очередного покойника. При их приближении все крысиное войско смылось с дорожки и скрылось в штабелях.

Первым был хромой санитар, который прекрасно видел всю сцену моего бегства. Он вытащил меня, напуганного и злого, из глубокого снега и предложил мне идти впереди процессии. Дойдя до штабеля, санитары положили свой груз на штабель и повели меня в покойничью. Там было совершенно пусто. Не было ни одного покойника. Там они меня успокоили, напоили кипятком и даже угостили куском вкуснейшей макухи, а на прощанье подарили мне одну уже мертвую крысу. Штык мне тоже вернули. Так что домой я вернулся с оружием и добычей.

Однако мама мой «подвиг» не оценила. Когда я ей показал свою добычу, она сказала, чтобы я срочно выбросил эту гадость и, что она лучше умрет от голода, но разделять крысу не будет. Хорошо, что на следующий день пришел Лёня и согласился забрать крысу на работу. Он был уверен, что ребята в общаге ее разделают и съедят.

7.

Как наша семья выживала в то время

Ноябрь и декабрь 1941 года показал реальное действие лозунга СССР «Кто не работает, тот не ест». Все, кто работал в Ленинграде в этот период, несмотря на наступивший реальный голод, имели значительные шансы выжить. А те, кто по тем или иным причинам не работал или не мог работать, имели значительные шансы умереть. В это время умирали, прежде всего, неработающие пенсионеры, домохозяйки, инвалиды, дети из малообеспеченных семей, люди, получившие ранения и (или) травмы от бомбежек, обстрелов, травмированные или получившие тяжелые заболевания на производстве.

В нашей семье нахлебником был только я. Но, с другой стороны, мне для выживания требовалось намного меньше.

У нас с мамой положение было более или менее стабильное. Мама питалась в больнице. Благодаря сменной работе дополнительные продукты она могла покупать на Сенном рынке и по этой же причине могла регулярно отovarивать мои карточки в государственных магазинах, в которых я занимал и выстаивал очереди.

У Лени в этот период дела обстояли намного хуже. Если до ноября на его заводе оборонные заказы шли непрерывно и за дополнительную плату или паек часто приходилось перерабатывать, то начиная с ноября все

чаще и чаще производство простаивало из-за нехватки материалов и комплектующих, частых отключений электричества, отсутствия необходимого инструмента и т. д. Если до ноября рабочий день часто продолжался 10–12 часов, то начиная с ноября работа цехов переводилась сначала на пяти-, а затем на четырехдневную неделю. При этом производственные задания сплошь и рядом заменялись всякого рода подсобными работами, например, такими как уборка снега, уборка цехов, ремонт станков и оборудования, заготовка дров, сбор и погрузка металлолома, дежурство на крышах, устранение результатов бомбежек и обстрелов, рытье окопов. При этом значительно уменьшалась зарплата. Кроме того, практически до нуля сократились возможности подработки на стороне.

Единственная возможность подработки на стороне была работа по заготовке дров. Начиная с ноября потребление дров в Ленинграде резко возросло. Дрова требовались всем: и предприятиям, и каждому жителю Ленинграда. На дрова был переведен практически весь автотранспорт города. Поскольку другие виды топлива в город практически не завозились, все автомобили были переоборудованы на работу от газогенераторов. Для этого справа и слева от кабины автомобиля устанавливались две печки, которые за счет сжигания дров, вырабатывали горючий газ. Этот газ потом поступал в мотор, выполняя функции бензина.

Для работы газогенераторов требовались обязательно сухие дрова определенного размера. И все гаражи и автостанции всегда были готовы купить в любом количестве такие чурки. Лёня пытался подрабатывать на заготовке таких дров. Между тем заготовка таких чурок требовала больших физических усилий. Надо было сначала найти сухую древесину, например старый деревянный забор,

балки и доски разрушенного дома, засохшее дерево. Потом их вручную распилить и расколоть, сложить на санки и доставить их заказчику. Все это приходилось делать на улице при морозе от 15 до 30 градусов.

В связи с постоянным недоеданием желающих заниматься такой подработкой среди Лёниных товарищей становилось все меньше и меньше. И такая подработка постепенно сворачивалась.

Чтобы чем-то заняться в период простоев, в общежитии получила распространение игра в карты. Играть на пайки и порции в столовой категорически запрещалось. За этим постоянно следила администрация, партийная и комсомольская организации. А вот на заработанные деньги и обязательные неоплачиваемые работы (дежурства по общежитию, цеху, на крыше, уборка снега, погрузка и разгрузка машин и т. д.) играть было можно. Лёня много не проигрывал, но, с другой стороны, значительные для него суммы он не тратил на дополнительную еду, а оставлял их на игру в карты, а в случае проигрыша иногда вынужден был дополнительно дежурить или выполнять другие общественные работы за того, кто выиграл.

Как мы праздновали мой день рождения

Я родился 8 декабря, и мама, несмотря на голод, все же решила отметить эту дату. Гостей, естественно, не было. Меню праздничного стола ничем не отличалось от обычного для этого времени ужина. Но вот подарки я запомнил на всю жизнь. Мама подарила мне одну ириску, которую я потом жевал и облизывал весь вечер и весь следующий день. Кроме ириски она подарила мне военную шапку-ушанку на «рыбьем меху» с красной звездой. До этого мне приходилось ходить в какой-то вязаной

шерстяной шапке, которую сверху еще повязывал маминым платком. Лёнин подарок я храню до сих пор! Он мне подарил в этот день финку с наборной ручкой из плексигласа. Эту финку он сделал сам из напильника.

Как Лёня уехал на лесозаготовку и как он умер

В конце ноября в связи с отсутствием оборонных заказов на заводе стали формировать бригаду для заготовки дров за пределами Ленинграда. При этом обещали усиленный паек и хороший заработок. Такая бригада должна была отработать на заготовке дров две недели. Лёня изъявил желание работать в такой бригаде и сообщил об этом маме. Обещал сразу после окончания работ появиться дома.

Лёня уехал на лесозаготовки в середине декабря и в конце месяца должен был вернуться. И вот — командировка должна была уже закончиться, но Лёня в назначенный день домой не приехал. Не приехал он и на следующий день. Мама стала волноваться и после своей смены пошла на Лёнин завод. Оказалось, что на лесозаготовке он сильно простудился и лежит в лазарете завода с высокой температурой. Мама выпросила на заводе санки и двух сопровождающих и на этих санках привезла Лёню в нашу больницу.

Врач, осмотревший Лёню, сообщил, что у Лёни двухстороннее воспаление легких и дистрофия 2-й степени. Врач сказал, что шансы выжить у него есть, но при условии хорошего и сбалансированного питания.

После этого заключения врача мама предприняла отчаянные усилия для выздоровления Лёни. Все наши запасы и продуктовые заначки пошли в дело. Мама продала или выменяла на рынке все, что возможно, например

свои новые бурки, купленные до войны, свое выходное пальто, обручальное кольцо, мою заячью шубу, свой пуховый платок. Истратила на продукты все наши денежные сбережения. Заняла, у кого только могла, деньги. Резко сократила свой (примерно на половину) и мой (примерно на треть) рацион ежедневного питания. При этом грубо нарушала действующее в больнице положение о запрете выноса из столовой какой-то части своего пайка. Пошла на прием к главному врачу и добилась у него выделения дефицитных лекарств и внеочередной премии спиртом. Кормила Лёню каждые 3–4 часа тем, что сама готовила, и тем, что удавалось вынести из столовой.

В результате температура у Лёни снизилась. Он уже перестал терять сознание, стал меньше кашлять и через неделю уже начал на короткое время вставать с постели. В это время он немного рассказал о своей командировке на лесозаготовку.

Сформированную на его заводе бригаду направили в Парголово район Ленинградской области. Лёня и мама согласились, что он туда поедет, потому что думали, что это будет рядом с бабушкой. Между тем бригада на поезде доехала до станции Парголово, затем пешком прошла около 6 км до деревни Юкки, где на окраине этой деревни под жильё бригад лесорубов был оборудован барак в одном из помещений скотного двора. Делянка под вырубку леса находилась в лесу на расстоянии еще около 5–6 км от этого скотного двора. До нее и обратно надо было каждый день добираться пешком по плохо проложенной в лесу дороге. Рабочий день непосредственно в лесу продолжался около 9 часов с 30–40-минутным перерывом на обед. Дорога туда и обратно занимала еще около 3 часов. Утром и вечером бригаду кормили в бараке, а обед привозили в термосах в лес. Порции были

действительно больше, но ненамного, чем в заводской столовой, и заработать можно было примерно на 30% больше при условии выполнения установленных планом норм. Однако работа была тяжелой и требовала много физических усилий. При этом приходилось долго находиться в лесу при 20–30-градусном морозе и постоянно передвигаться в глубоком снегу. Лёня стал очень плохо себя чувствовать за два дня до окончания работ. Когда у него поднялась высокая температура и надсадный кашель, в лес его не брали. Последние два дня он в бараке топил печки и помогал поварихе. Только с помощью своих товарищей по бригаде он сумел добраться из леса до завода.

Мама радовалась, что все самое плохое с Лёней позади. Между тем на 9-й день пребывания в больнице вечером он умер из-за тяжелого сердечного приступа. Приступ случился на глазах у всех. Мама и врачи были в этот момент недалеко и пытались его откачать, но ничего не получилось.

Лёня впоследствии был захоронен в братской могиле в Ленинграде на Пискарёвском кладбище.

Жизнь для мамы теряет смысл

День, когда умер Лёня, начинался как обычно. Мама встала утром и, прежде чем уйти на работу, приготовила завтрак. Завтрак вот уже недели три, а может и четыре, особым разнообразием не отличался. Утром мама в это время варила так называемую «черную похлебку». Такой похлебкой, как она говорила, в далекие времена питались спартанцы — лучшие в то время воины древней Греции. Рецепт такой маминой похлебки был предельно прост. В ковшик кипятка крошился мелко нарезанный хлеб, и эта смесь затем еще варилась минут пять. В ре-

Неразорвавшаяся немецкая авиабомба

Центральный район. Улица Правды, дом №12

Помощь пострадавшим от бомбежки

Адмиралтейская набережная

зультате получалась темно коричневая жидкость, в которую мама иногда что-нибудь добавляла, например, мелко нарезанные стебли крапивы, морковный чай, какую-нибудь сушеную ботву, если была, немного крупы т. д., чтобы похлебка была по-гуще. Вареву делилось на две части. Одну съедал я. А одну мама несла Лёне.

Уходя на работу, мама, как всегда, дала мне несколько поручений. Я должен был принести из Фонтанки два бидона воды, узнать, когда в магазин завезут хлеб, и занять очередь, сбегать и известить ее об этом. Деньги и карточки мне мама не доверяла из-за того, что в конце октября у меня их украли в очереди. Четыре дня без хлеба мы тогда пережили относительно спокойно, были еще бабушкины запасы и Лёня был здоров. Вора я, можно сказать, знал в лицо. Это был мальчишка лет на пять старше меня. Потом его я иногда видел в очереди, но сделать уже ничего не мог.

Очередь моя за хлебом подошла, а мамы нет. Пошел к ней в палату. Там мне больные сказали, что Лёне стало плохо и что его увезли в операционную. Туда же ушли мама и все врачи. Пошел домой. Там было уже довольно холодно. Обычно после того, как мы покупали хлеб, мама топила печку и мы что-то ели. Я забрался, не раздеваясь, под одеяло, сверху укрылся еще своим пальто и стал ждать маминого прихода. Прошло часа три-четыре, в комнате было уже совсем темно. Очень хотелось есть. Наконец, пришла мама и с порога сказала, что Лёня умер. Она, как-то машинально, не говоря больше ничего, затопила печку, зажгла лампадку и легла рядом со мной на кровать.

До меня как-то не сразу дошел весь ужас ее слов о том, что Лёня умер. Только вчера я его видел выздоравливающим и он уже ходил по палате. Кроме того, мама, приходя с работы, довольно часто говорила о том, что кто-

то в ее палате умер, кто-то из наших знакомых погиб на фронте. Но эти смерти как-то напрямую не касались нашей семьи и быстро забывались. К тому же в этот день я ел только утром, а физическая нагрузка была довольно большая. И все мои мысли были заняты тем, что мне в этот вечер приготовит и даст поесть мама. Поэтому вместо того, чтобы спрашивать маму о том, как и почему умер Лёня, я спросил ее о том, когда и чем мы будем ужинать. Мама ответила, что сегодня у нас никакой еды нет, и что мне завтра придется одному идти в магазин за хлебом с карточками и деньгами. Я сказал, что до магазина мне не дойти, если я не съем хотя бы маленькую крошечку хлеба, и что даже если я туда дойду, то упаду в очереди. Все равно надо подождать утра, сказала мама, ночью все равно ничего сделать нельзя.

И действительно, в доме не было ничего съестного. Когда Лёня заболел, мама продала или выменяла все, что только могла, на продукты для Лёни и израсходовала для него все наши съестные запасы. Кроме того, мой дневной паек хлеба в 125 г был сокращен на треть. Свой хлебный паек в 250 г она сократила на две трети, так как считала, что вполне может обходиться тем, что ей давали в больничной столовой. Где только могла и у кого только могла, мама просила и занимала деньги. В этот период мы даже ободрали со стен все обои и соскабливали с них засохший клейстер. Варено из него пахло дустом, но все же это была дополнительная подкормка. В качестве пищевой добавки также использовали кору с поленьев, которыми топили печку. Наши дрова были в основном осиновые и березовые. Кора осины была очень горькой, и от нее потом болел живот. А вот прослойка между корой березы и ее древесиной очень хорошо разваривалась и годилась в пищу, если ее перед варкой потереть на терке или разбить молотком. Обязанность добывать такую

кору лежала на мне. Но это была довольно трудная работа, надо было сначала найти в сарае березовое полено, потом содрать с него кору, затем отделить верхнюю часть коры от нижней, потом натереть эту нижнюю часть на терке. Все это требовало много физических усилий и временных затрат. Кроме того, березы в наших дровах было мало.

В общем, в этот день пришлось ложиться спать на абсолютно голодный желудок.

Перед тем как лечь спать, мама подложила в печку дров и выложила на стол какие-то бумаги. Со мной она больше не разговаривала, делала все как робот с каким-то каменным лицом, а после того, как легла в кровать, долго не могла уснуть.

Я тоже долго не мог уснуть. До меня теперь стало доходить мамино сообщение о том, что Лёня умер. Получалось, что если Лёня умер, то это значит, я его больше никогда не увижу. Это значит, что его снесут или уже снесли и положили в штабель покойников перед покойницей. Это значит, что завтра его ломом оторвут от других трупов, бросят в кузов машины и увезут на кладбище. Там его закопают в общую братскую могилу. Короче, был у меня старший брат Лёня, а теперь нет у меня никакого брата.

Мама долго не засыпала, дышала тяжело, со мной не разговаривала, часто вздыхала и, наконец, уснула очень тревожным сном. Во сне что-то невнятное говорила, иногда всхлипывала, иногда тяжело вздыхала.

Наконец настало утро. Заговорила черная тарелка радио. Обычно, как только начинало работать радио, мама вставала, начинала топить печку и готовить «черную похлебку». В этот раз, хотя мама проснулась, она не встала, а продолжала лежать с открытыми глазами. Заговорить с ней я не решался. Так мы молча лежали до восьми ча-

сов. В начале девятого пришла медсестра, которую мама должна была сегодня менять. Двери в нашу квартиру, как и у подавляющего большинства ленинградцев, уже начиная с конца сентября не закрывались, чтобы в случае чего можно было оказать проживающим в этой квартире помощь или убрать умерших.

Медсестра стала уговаривать маму выйти на работу. Мама ответила, что при всем желании сделать это она не может, и что у нее нет сил даже подняться с кровати, и, что, скорее всего, она не доживет до завтра.

Она попросила медсестру выкупить хлеб по карточкам, которые лежат на столе, и накормить меня, чтобы хотя бы я остался в живых. Сказала ей, что я уже второй день ничего не ел и что до магазина я скорее всего не дойду и очередь там выстоять не смогу. А после ее смерти просила передать меня на сборный пункт детей сирот. Моя метрика и продовольственные карточки лежат на столе. Там же лежит прощальное письмо моему папе на фронт.

Медсестра ушла, а часа через два к нам пришла врач из маминной бригады. Врач принесла мамин завтрак (четыре кругляшка отварного сухого картофеля и довольно приличный кусок хлеба). Хлеб на завтрак персоналу не полагался (каждый приносил свою порцию, выкупленную по карточкам). Таким образом, получалось, что врач принесла хлеб, взятый из своего пайка. Врачи больниц и госпиталей Ленинграда питались отдельно по повышенным продуктовым нормам. Врач строгим голосом приказала маме все это съесть. Но мама категорически отказалась и попросила все это отдать мне, объяснив, что это ее все равно не спасет, так как она уже очень долго голодала, и что незачем переводить продукты на покойников. Кроме того, она сказала, что «в долгу как в шелку». Очень у многих назанимала и денег, и продуктов, а сил где-то добывать продукты или зарабатывать

Жизнь и смерть блокадного ребенка

**Проспект 25-го Октября
(Невский проспект).
Весна 1942 г.**

деньги уже практически нет, а отдавать долги живой должен. Только покойнику долг могут простить.

Так и не уговорив маму поесть, врач выписала ей документ об освобождении от работы на три дня и ушла, пообещав что-нибудь придумать.

Мама сказала, чтобы я все, что принес врач, немедленно съел. Хлеб я съел быстро, а картошку очень просил съесть маму, но она категорически отказалась. Пришлось мне съесть и картошку.

Через некоторое время опять пришла мамина сменщица с выкупленным по нашим карточкам хлебом, общим весом 750 грамм (это наша норма по карточкам за два дня).

Свой хлеб мама передала сменщице и просила ее отдать его тем, у кого она его занимала. А после того, как сменщица ушла, она просила меня не есть мой хлеб до завтра, потому что завтра, если она умрет, мне придется много ходить и много чего сделать, прежде чем меня на пересыльном пункте поставят на довольствие. Кроме того, мама четко объяснила мне, куда мне надо бежать после того, как она умрет, и что в этом случае мне надо делать. После этого она впала в какое-то полузабытье. Глаза у нее были закрыты, дышала она часто и прерывисто, со мной она больше не разговаривала.

Человек предполагает, а Бог располагает

Между тем в комнате становилось все холоднее, и я решил затопить печку. До этого дня печку топить мне категорически запрещалось. Этот запрет был связан с тем, что перед войной я в порядке эксперимента поджег керосин. До войны, поскольку все работали, в мои обязанности входила процедура покупки керосина для примуса

и керосинки. Из хозяйственного магазина керосин я приносил в железной двухлитровой банке. Банка с широким горлом ничем не закрывалась, а папа из проволоки сделал для нее удобную ручку. Каждые два-три дня в этой банке я приносил полтора литра керосина. И вот однажды я решил поджечь этот керосин прямо в банке. Керосин горел очень хорошо. Полюбовавшись тем, как он горит, я решил погасить его водой. И хотя я вылил в банку довольно много воды, керосин продолжал гореть. Тогда я поставил банку с горящим керосином на лист железа перед кухонной плитой и пошел гулять. Родители пришли с работы, а керосин все еще горел. После этого мне здорово влетело, и мне надолго запретили пользоваться спичками, топить печку и вообще что-то поджигать.

Учитывая мамино состояние и то, что в комнате становилось все холоднее, я сам себе отменил этот запрет и, сидя перед печкой, стал думать о том, какие же в моей семье безответственные родные. И вот какие мысли лезли в мою детскую голову.

Взять, например, брата Лёню. Как-то он заявил, что ему нужно поехать на откорм в лес. А в лесу, вместо того чтобы откормиться, подхватил воспаление легких. Да еще ухитрился подхватить не просто воспаление легких, а воспаление двухстороннее, да еще какое-то крупозное. Мама его практически вылечила. Он уже даже стал вставать и ходить. А он вместо того, чтобы поправиться, взял и умер от сердечного приступа. В общем, не брат, а какой-то «редиска».

Или вот, например, папочка тоже хорош. Сидит где-то на какой-то Невской Дубровке. Провода связи там почему-то немцы все время рвут, а он их (провода) все время должен опять соединять. Нет бы, взял ручной пулемет, да из этого пулемета расстрелял бы всех немцев и приехал домой хотя бы на два-три дня.

А мама тоже хороша. Взяла моду — все время лежать и ничего не есть. Да еще собралась умирать. За меня решила, что мне будет хорошо в детдоме. Она, видите ли, из-за Лёньки расстроилась. Нет бы подумала, что я один-одинешенек в этом детдоме делать буду.

Раз они так, буду делать все, что сам считаю нужным. Буду сам печку топить, когда захочу, за хлебом буду сам ходить с карточками и деньгами, буду ложиться спать и вставать, когда захочу. Или возьму и тоже помру. Будут знать наших.

Бабушка говорила, что после смерти за праведниками прилетают ангелы и переносят их души в рай, а за грешниками прибегают черти и тащат их в ад. Кто я? Праведник или грешник, не знаю. Лёня и мама, скорее всего, праведники. Они при жизни много чего хорошего сделали и грехов у них, на мой взгляд, мало. В раю, говорят, хорошо. Там плодовый сад. Можешь рвать яблок сколько хочешь. Птички поют. Солнце светит. Музыка играет. Никто не ругается и не дерется. А в аду — плохо. Грешников в котлах черти варят.

Рассуждая так перед печкой, я вдруг услышал, что открылась и закрылась входная дверь, и в прихожей раздалось какое-то жужжание. Был уже поздний вечер, и никто не должен был к нам приходиться. Жужжание приблизилось к двери в нашу комнату, дверь отворилась, и в комнату вошел какой-то дядька с фонариком-жужжалкой. Я даже немного испугался. Подумал, что за мной пришел черт, так как в комнате сильно запахло козлом и у дядьки на голове были рога. Комната в этот вечер освещалась только лампадой и светом от печки, поэтому за рога я принял торчащие вверх уши шапки-ушанки, а запах овчинного полушубка я от испуга принял за запах козла.

Дядька посмотрел на меня и спросил: «Тебя зовут Юра?». Я ответил: «Да». — «А это твоя мама Тася?». Я кив-

нул и сказал, что она умирает, потому что два дня назад умер мой брат Лёня, а после этого она уже второй день ничего не хочет есть.

Дядька сказал, что его попросил навестить нас мой папа, с которым он вместе воюет, что маму он сейчас постарается вылечить и согласен ли я ему помогать. Я, конечно, согласился помогать.

Как мы лечили маму

Дядька снял рюкзак, противогазную сумку, шапку и полушубок и остался в военной форме сержанта войск связи. Затем он подложил в печку еще дров и поставил на нее чайник и кастрюлю с водой. При этом похвалил меня за то, что в комнате были дрова и вода. Потом он спросил, ел ли я сегодня и что я ел. Я ответил, что сегодня я поел хорошо, так как днем съел мамин завтрак с хлебом врачихи и на столе еще стоит ее обеденный суп, а в буфете лежит моя двухдневная норма хлеба.

Дядька спросил, почему же мама из этого ничего не ела. Я ответил, что мама не стала есть, потому что считает, что незачем на покойников переводить продукты. Продукты, которые ей сейчас могут быть предоставлены, только отсрочат ее смерть, но результат будет тот же.

Между тем вода в чайнике закипела, и дядька стал доставать из своего рюкзака продукты: две банки армейской тушенки, громадную буханку хлеба, три огромных куса каждый величиной с три моих кулака кускового сахара, мешочки с какой-то крупой, пачку грузинского чая и немного сала. Затем он заварил чай, налил его в кружку, финским ножом отбил большой кусок сахара, положил сахар в кружку и поставил кружку остужаться.

В закипевшую в кастрюле воду насыпал две столовые ложки крупы, открыл банку тушенки, отрезал два

больших куска хлеба и предложил мне садиться за стол ужинать.

Мне налил стакан чая, отколол кусочек сахара, приготовил и дал мне бутерброд, который состоял из четвертинки куска хлеба и чайной ложки тушенки. Себе между тем налил целую большую кружку чая и приготовил бутерброд из целого куска хлеба и двух столовых ложек с верхом тушенки. Когда он все это готовил, вся комната наполнилась запахами вкусной и здоровой пищи. У меня от этого был полный рот слюней. Мама стала тревожно ворочаться и даже открыла глаза.

Дядька заварил для мамы крепкий грузинский чай, положил в него немного сахара, попробовал ее чай, убедился, что он уже достаточно остыл, и стал ее поить этим чаем. Вначале мама хотела отказаться от чая, но в комнате стоял такой запах настоящего ржаного хлеба, тушенки, чая, каши, что она после слабого сопротивления весь чай выпила. При этом дядька рассказал ей, что он служит с папой в одном подразделении и что он пришел к нам

по его просьбе, что он в городе в командировке и завтра утром должен уехать. После выпитого чая, мама немного порозовела и окончательно пришла в себя, а дядька сел ужинать. Я с плохо скрываемой завистью смотрел, как дядька ест свой большой бутерброд (огромный кусок хлеба с наложенной на него тушенкой). Он это заметил и сказал, что маме и мне сразу много есть нельзя, будет долго болеть живот. Надо есть понемногу с перерывами полтора–два часа. А также сказал, что через два часа он накормит нас овсяной кашей и будет кормить маму и меня сладким чаем с кашей всю ночь, каждые два часа. Чайную заварку, оставшуюся после выпитого чая, дядька хотел выбросить в помойное ведро. Я при этом почти закатил истерику, объясняя ему, что такой ценный и вкусный продукт, как заварка выпитого чая, выбрасывать ни в коем случае нельзя. Ее надо есть, взяв половину чайной ложки в рот, и долго и тщательно пережевывать.

После ужина дядька рассказал, что до нас он навещал свою семью, но они неделю назад эвакуировались, о чем оставили в квартире ему записку. Его семья вынуждена была эвакуироваться, так как рядом с их домом разорвалась фугасная бомба. От взрыва этой бомбы в их доме выбило все стекла на окнах, и температура в их комнате была такой же, как на улице. От этого взрыва никто из его семьи не пострадал, но из-за холода жить там дальше стало невозможно.

Через два часа дядька предложил нам попробовать кашу, в которую он добавил жир от тушенки. Маме и мне он дал съесть по две столовые ложки каши, при этом мамину кашу сильно разбавил водой.

После каши мы все легли спать. Я уснул как убитый и спал спокойным, крепким сном счастливого человека. Мне казалось, что это был самый счастливый день в моей жизни, так как мама перестала умирать и меня теперь не

**Печка-буржуйка. Музей обороны
и блокады Ленинграда**

отправят в детский дом. Кроме того, я попробовал в этот вечер всякой вкуснятины, а в комнате было тепло, пахло вкусной пищей, махоркой, овчиной. Дядька пытался меня будить для очередной кормежки, но я упорно не хотел просыпаться. Только под утро сквозь сон слышал, как дядька последний раз перед уходом кормил маму кашей. Дядька оставил нам почти все продукты и противогазную сумку, в которой лежало почти полторы тысячи рублей. Эти деньги в основном купюрами по три, пять и десять рублей собрали в папином подразделении, на передовой их тратить было негде, а в городе на них все же можно было хоть что-то купить. Кроме того, все на передовой знали, что каждый грамм продуктов или каждый рубль может спасти в Ленинграде чью-то жизнь.

Мама поправляется

Когда я проснулся, мама топила печку. В комнате по-прежнему пахло махоркой, кашей, чаем и тушенкой.

Я позавтракал кашей с запахом тушенки. Между тем мама еще раз посмотрела и перебрала все, что нам оставил дядька, и убрала все это под замок в сундук.

Через некоторое время к нам опять пришла медсестра из маминной бригады, которая опять принесла мамину порцию еды из больницы. Она очень удивилась, увидев маму ходячей и внешне почти здоровой. Мама угостила ее чаем с сахаром и кусочком хлеба и рассказала ей о приезде папиного сослуживца. И попросила передать, что через день–два она выйдет на работу и что она срочно вернет все свои продуктовые и денежные долги.

Следующие два дня мы питались практически по довоенным нормам три раза в день. Вместо черной «греческой» похлебки эти два дня мы утром и днем ели нашу российскую «тюрю» с тушенкой и овсяной крупой, а вечером пили грузинский чай с настоящим сахаром и армейским ржаным хлебом.

Потом мама вышла на работу, и мы опять старались экономить продукты, но все равно питались лучше, чем в то время, когда Лёня лежал в больнице.

Справка о голоде в блокадном Ленинграде

До начала войны Ленинград постоянно имел двух–четырёх месячный запас продуктов питания, необходимых для торговли через сеть государственных магазинов и предприятий общественного питания. Кроме того, много продуктов завозилось на ленинградские колхозные рынки. В связи с этим до начала сентября 1941 года нехват-

ки продовольствия в Ленинграде не ощущалось. Скорее, наоборот, в июле и августе в город завозилось продовольствия больше, чем могли вместить его склады. Это объяснялось тем, что по мере продвижения немцев на восток в Ленинград из районов боевых действий вывозилось все, что могло попасть к немцам и затем быть использовано ими. Все эти излишки продуктов в это время город оперативно направлял дальше на восток. Между тем основное снабжение города осуществлялось по двум железнодорожным веткам, соединявшим Москву и Ленинград. А именно — по Октябрьской железной дороге и железной дороге Ленинград — Москва-Бутырская. Продукты поступали на Московский вокзал Ленинграда, где имелись вся необходимая инфраструктура и техника по их разгрузке и перевозке к местам хранения.

Ситуация со снабжением продуктами резко изменилась после того, как немцам удалось перерезать обе эти железнодорожные ветки в конце августа и начале сентября и ряда неудачных попыток наших войск ликвидировать эти прорывы немцев. Так, 25 августа немцам удалось перекрыть Октябрьскую железную дорогу в районе станций Любань и Чудов, а 29 августа — захватить город Тосно. Уже 27 августа немцы вплотную подошли к поселку и станции Мга железнодорожной ветки Ленинград — Москва-Бутырская. И уже 30 августа им удалось полностью овладеть и закрепиться на этой станции. При этом чудом удалось избежать плена членам комитета обороны СССР из Москвы во главе с наркомом обороны СССР тов. К. Е. Ворошиловым. В состав этой комиссии входили: Молотов, Маленков, Косыгин, Кузнецов и другие.

К этому добавились потери продуктов из-за участвовавших налетов вражеской авиации и обстрела города из дальнобойных орудий.

В результате уже в начале сентября около двух или трех недель продукты в город не поступали и в пожарном порядке прокладывался новый путь их доставки через Ладожское озеро с использованием железнодорожного пути, проходящего через города Тихвин и Волхов.

С севера железные дороги, соединявшие Ленинград с городами Мурманск и Архангельск, были перерезаны войсками Финляндии, которая вступила в войну с СССР на стороне Германии.

От города Волхов грузы из восточных районов страны до Ладожского озера доставлялись в поселки Кобона и Новая Ладога, затем из этих поселков по воде озера в устье реки Невы, а потом по правому берегу Невы до Финляндского вокзала Ленинграда.

Естественно, что руководители Ленинграда и страны и до войны, и после ее начала не предполагали и не планировали такие маршруты поставки продуктов в город. В связи с этим срочно требовалось до начала поставок по этому маршруту провести целый ряд подготовительных работ. Например, таких как: прокладка и (или) ремонт грунтовых дорог летом, а также зимников и ледовых трасс зимой, строительство складов, создание автоколонн и снабжение их всем необходимым (горючим, транспортом, ремонтными мастерскими и т. д.), строительство причальных пирсов, углубления дна портов в поселках Кобона и Новая Ладога, изыскание необходимого количества плавсредств (барж, пароходов, буксиров и т. д.) и обеспечение их всем необходимым. Все это надо было надежно защитить от налетов немецкой авиации и возможных наземных атак. Немецкие позиции находились в нескольких километрах от поселка Кобона. Левый берег Невы так-же был занят немцами. Надо было где-то разместить людей и организовать их быт.

На Ладоге шторм — поставки не идут. Ладога не замерзла — поставки не идут. Массированный налет немецкой авиации или обстрел какого-нибудь участка трассы — поставки не идут. При этом до трети грузов — это безвозвратные потери из-за выше перечисленных причин. И все же такая схема доставки продуктов в Ленинград, хотя и с перебоями и потерями, была в сентябре налажена и работала.

Между тем немцы в середине октября (16 октября) предприняли новое наступление, в результате которого была перерезана последняя железнодорожная ветка, связывающая город с большой землей, а 8 ноября был захвачен город Тихвин.

Фактически с 16 октября и с последующим захватом Тихвина немцы полностью завершили окружение Ленинграда и лишили его возможности использовать для связи со страной железнодорожный транспорт. Правда, с восточной стороны Ладожского озера не было сплошной линии фронта. Немцы и финны находились здесь только в городах и крупных населенных пунктах. Остальную территорию здесь занимали плохо проходимые леса и болота с редкой сетью плохих и очень плохих проселочных грунтовых дорог, которые немцы фактически не хотели и не могли контролировать из-за недостатка сил, сильных морозов и глубокого снега.

В связи с этим с нашей стороны сразу же были организованы работы по прокладке зимников в обход немецких позиций от железнодорожной станции Заборье до поселка Кобона протяженностью более 300 км. Очевидно, что в связи с этим около трех недель продукты в поселок Кобона не поступали, а в Ленинграде продуктовые нормы были снижены до предела (150 и 125 г.).

Кроме того, устойчивый, но еще тонкий лед на озере установился только в середине ноября. В связи с этим

полноценно работающую «Дорогу жизни» удалось запустить только 22 ноября. До этой даты по льду прокладывалась трасса, укреплялся лед, строились пункты обогрева и защиты трассы от налетов немецкой авиации и т. д. Доставка продуктов и вывоз эвакуированных в этот период были возможны и организованы санными обозами на лошадиной тяге. При этом большая часть конной тяги обратно не возвращалась, а использовалась для пополнения продуктовых запасов.

Таким образом, население города начало голодать уже в сентябре месяце. Пик голода и наибольшие потери от него пришлись на ноябрь–декабрь 1941 года. Нормы продуктов, при которых можно было выживать и работать, установились только в феврале 1942.

Жизнь продолжается

В результате выше упомянутых случайностей и совпадений в самое тяжелое время блокады нам, и в первую очередь маме, удалось выжить. Продуктов, оставленных папиным сослуживцем, нам хватило почти до конца декабря. До дня, когда хотя и на немного, но были увеличены нормы продуктов по карточкам. Кроме увеличения карточной нормы хлеба, например на детские карточки и карточки иждивенцев и служащих со 125 грамм до 150 грамм, в магазинах стали появляться и другие продукты по другим продуктовым карточкам. Увеличились порции и калорийность в больничной столовой. В хлеб стали меньше добавлять опилок и жмыхов. Кроме того, у нас еще были деньги, оставленные папиным сослуживцем, которые в сумме составляли около 2–3 месячных маминых зарплат и которые можно было при необходимости истратить на Сенном рынке.

Мама через 3-4 дня вышла на работу и постепенно приходила в себя после смерти Лёни.

Она полностью рассчиталась с продуктовыми и денежными долгами, и наша жизнь начала приходить в норму.

Как я стал «людоедом»

Как я уже говорил, продукты, оставленные нам фронтовиком, закончились, но еще осталось какое-то количество денег. С этими деньгами мама между сменами стала

чаще заходить на Сенной рынок. В один из таких дней она остановилась около одного пустого прилавка рынка, чтобы что-то лучше разложить в авоське. Между тем с другой стороны прилавка подошли трое мужчин в овечьих полушубках военного образца, которые несли четыре больших чемодана. С той стороны, где стояла мама, стали подбегать люди и ее прижали к прилавку. Люди, прижавшие маму к прилавку, говорили друг другу, что на рынок пришел известный многим на рынке торговец кониной. И действительно, мама много раз слышала и видела, что на рынке продавали мясо лошадей. На лошадях по дороге жизни везли с большой земли продукты. Лошадей надо было кормить, а корма для такого количества лошадей в Ленинграде не было. Поэтому большую часть этих лошадей забивали, и какая-то часть их мяса стала довольно часто появляться на рынке.

Пришедшие торговцы прямо перед мамой, прижатой толпой к прилавку, стали вынимать из чемоданов куски мяса. Один из этих кусков маме очень понравился. Его цена была не заоблачная, а вполне приемлемая, и кость там была небольшая. Мама купила этот кусок мяса и довольная пришла домой. Варилось мясо очень долго, было очень жестким и долго не отделялось от кости. Мне мама дала кусок этого мяса с хлебом, а сама поела бульончик, тоже с куском хлеба. Вечером у нее поднялась высокая температура, и ее стало тошнить. Мне пришлось сбегать за врачом. Пришел врач и спросил, что ели. Мама показала сваренное мясо. Врач его внимательно рассмотрел и сказал, что это человечина и к тому же мертвечина и что у мамы типичное отравление трупным ядом. Бульон он при нас вылил в туалет, а мясо забрал, чтобы выбросить на помойку.

Мама поправилась через три дня, а я почему-то не оправился.

Толкучка у Кузнечного рынка. Зима 1942 г.

Как мы пережили блокадную зиму

В январе все, что нам оставил папин сослуживец, закончилось. Продукты были съедены, деньги истрачены. И все же жить стало немного лучше. Немцы почти не бомбили и не обстреливали район больницы. Маме прибавили зарплату. В магазинах уже можно было отоваривать почти все продукты по карточкам. Понемногу стали увеличиваться нормы продуктов по карточкам, так как уже на полную мощность стала работать Дорога жизни. В больничной столовой увеличивались порции и их калорийность.

Однако, как и многие ленинградцы, я и мама старались как можно меньше ходить по городским улицам и вообще выбираться из дома. Зима 1941 и начала 1942 была

очень холодная и снежная. На улицах и между домами были протоптаны только узенькие тропинки или проложены машинами в снегу такие же плохо проходимые колеи.

Кроме того, дистрофия, а этой болезнью были больны практически все ленинградцы, не стимулировала прогулки без крайней необходимости. Наоборот, дистрофия обострила или вызвала другие болезни у ленинградцев.

У мамы, например, появились все признаки гипертонической болезни в довольно тяжелой форме. Ей периодически давали освобождение от работы на 2–3 дня. А такие освобождения в этот период давались только тем, кто действительно не мог стоять на ногах. Я в начале января весь покрылся фурункулами (это такие довольно крупные гнойники). Всего их было восемь. Через месяц–полтора семь из них прошли. А восьмой, который образовался на левой лопатке, зажил только через полтора года уже в эвакуации. Болели и умирали и те, кто дистрофией не страдал. Так, например, умерла в начале января женщина-хирург из маминой бригады. Ей было чуть больше 60 лет. Дистрофии у нее не было (все врачи получали дополнительное питание и практически не голодали). После очередной операции она прилегла отдохнуть в комнате медперсонала и уже не проснулась. Ее организм не выдержал перенапряжения.

Я пытался наладить производство табака

В январе я предпринял еще одну попытку подзаработать. Как-то зашел зачем-то к маме в палату. Она была занята в операционной, и я стал ее дожидаться на стуле в коридоре. Там же сидела какая-то пара: больной и его посетительница. Больной жаловался, что ему очень

хочется курить, а курить нечего. Посетительница ему очень сочувствовала и обещала в следующий раз принести для курева сушеных листьев, которых ей удалось где-то собрать и засушить. Этот разговор я вначале пропустил мимо ушей. В нашей семье курил только папа, а я, Лёня и мама не курили. В связи с этим проблема «где достать курево» нас не интересовала. Между тем, как я потом выяснил, курево в Ленинграде ценилось очень высоко. Фактически оно ценилось как четвертая твердая валюта, наравне с деньгами, водкой и хлебом. Перебои с табаком начались уже в начале сентября 1941 года. Вся табачная продукция, которая была завезена в Ленинград до войны и которая завозилась во время блокады, шла в первую очередь в армию на передовую, а то, что оставалось, распределялось среди гражданского населения с большими переборами только по талонам или по промтоварным карточкам. При этом часто не хватало нормальной табачной продукции даже для нужд фронта. Чтобы хотя бы немного сократить этот дефицит, табак разбавлялся всякими разными суррогатами, например такими, как древесные листья (дуб, клен, осина), хмель, табачная пыль, сухая трава и т.д. Цены на табачную продукцию были просто астрономические. Например, пачка махорки, которая до войны стоила 40 коп, продавалась на рынке за 200 руб., папиросы «Звезда» до войны стоили 1 руб. пачка, а на рынках блокадного Ленинграда их можно было купить только по 5 руб. за папироску.

На территории больницы, недалеко от нашего дома, напротив родильного отделения рос огромный тополь. Осенью он один из первых сбрасывал свою листву. Тополиные листья на вкус очень горькие. Обычно осенью эти листья работники больницы собирали в кучи, а потом до первого снега куда-то увозили. А когда началась война,

эти кучи не увезли. Зимой их засыпало почти полуметровым слоем снега.

Одну из таких куч мне удалось с большим трудом раскопать в большом снежном сугробе. Там я набрал целую большую торбу листьев тополя, принес их домой и подвесил у буржуйки сушиться. Через два-три дня листья высохли. Примерно треть пришлось выбросить, потому что они подгнили. Оставшиеся листья растер руками в крошку. Поскольку я и мама не курили, сворачивать самокрутки я не умел и они у меня не получались. Пришлось обратиться к знатокам. Я посчитал, что такими знатоками могут быть санитары, спасшие меня от нападения крыс. После того как они меня выручили, при встрече я всегда с ними здоровался, делился разными новостями, открывал и придерживал им двери, когда они везли тележки или несли носилки с очередным больным или умершим. Иногда заходил к ним в покойничью, где они угощали меня кипятком, а иногда и кусочком хлеба или дуранды.

В общем, я им принес на экспертизу консервную банку своей продукции. Они очень заинтересовались моей идеей и инициативой, так как с куревом у них также была напряженка. При мне они свернули две большие самокрутки и пытались их раскурить. При первой же затяжке обе самокрутки вспыхнули, как порох, и чуть не обожгли им лицо. В результате они дали заключение, что этот «табак» я пересушил. При мне они смастерили еще по одной самокрутке, предварительно слегка смочив мой «табак» водой. Теперь самокрутки не вспыхивали, но после второй или третьей затяжки оба стали сильно кашлять, дым оказался слишком едким и горьким.

Я был сильно расстроен и сказал, что выброшу свое творение. Но мои эксперты сказали, что выбрасывать такой продукт не надо. Над ним нужно немножко порабо-

тать. Добавить в него, например, немного махорки. Если нет махорки, то может быть подойдет толченая кора, нитки от мешковины, шерстяные нитки, волосы от старых шуб, обрезки от старых валенок и т.д. В заключение они мне сказали, что за каждую такую коробочку они согласны давать мне двух крыс, а они уже сами будут доводить этот табак до кондиции.

От крыс я отказался, я хорошо помнил, как моя мама сказала, что она лучше умрет, чем согласится их разделять. А все, что я заготовил, я им отдам просто так за хорошее отношение. Таким образом, и здесь мой бизнес прогорел.

Мои эксперты-санитары подробно расспросили меня, где я обнаружил кучи листьев тополя. Я им все рассказал и показал. А через некоторое время, проходя мимо этих куч, обнаружил, что они очень основательно раскопаны и что из них были извлечены как минимум 4–5 здоровых мешков этих листьев. Но я об этом не жалел, а скорее был рад, что моя находка кому-то пригодилась, а мои друзья санитары стали ко мне относиться еще лучше.

Папины письма

Папа писал нам довольно редко. Примерно одно письмо за две–три недели. После смерти Лёни он советовал нам подать документы на эвакуацию. Где он, чем занят, как идут дела на фронте — он в этих письмах не писал из-за цензуры. Вначале он писал, что жив и здоров, что почти непрерывно идут бои с немцами. Но его дело — поддерживать непрерывную связь, и поэтому он не часто бывает в окопах на передовой. Потом написал, что был ранен осколком мины. Ранение было легкое, такое, что он отказался от отправки в госпиталь. Потом написал, что простудился и получил воспаление легких, в свя-

зи с чем в этот раз был направлен в госпиталь и пробыл там довольно долго. Писал, что после ранения был награжден медалью «За боевые заслуги», а после госпиталя получил вторую награду — медаль «За отвагу».

За участие в боях под Ленинградом после прорыва блокады был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

Войну папа закончил в апреле 1945 года после взятия нашими войсками города Кёнигсберг (теперь Калининград). Непосредственно в Кёнигсбергской операции он не участвовал, так как примерно за неделю до ее начала был контужен, выполняя приказ командования. За выполнение этого задания был награжден «Орденом Отечественной войны». После взятия Кёнигсберга был награжден медалью «За взятие Кенигсберга». А после окончания войны получил еще медаль «За победу над Германией».

С войны папа вернулся с одним солдатским рюкзаком за плечами в звании старшины войск связи. Мне в подарок он привез микроскоп, маме подарил кошелек примерно с двумя десятками серебряных немецких монет и несколько текстильных вещей, бабушке привез целую стопку очень красивых немецких пасхальных и рождественских открыток с поздравительными текстами на немецком языке.

В больнице он был сразу принят на прежнюю должность бригадира электромонтеров.

О том, как он воевал, отец рассказывал мало и кратко. Из его рассказов следовало, что самым тяжелым периодом его военной службы была работа по обеспечению связи Невского пяточка с нашим берегом Невы, а конкретно — в период с сентября по ноябрь 1941 года, пока Нева не замерзла. В это время связь с нашим берегом осуществлялась в основном по проводам, которые посто-

**Михалёв Борис
Михайлович
с сыном Юрой.
1946 г.**

янно рвались из-за обстрелов, немецких диверсий, проходящих судов, различных проплывающих по реке предметов (деревьев, разных обломков и т.д.). Связь приходилось восстанавливать, как правило, ночью или в плохую погоду (дождь, туман, снегопад), используя очень часто всякие плохо приспособленные плавсредства. Одежда быстро намокала, и очень сильно мерзли руки и ноги. При этом часто происходили ожесточенные боестолкновения с немцами, которые открывали плотный огонь по всему, что на нашей стороне движется или высовывается, а наши отвечали тем же.

Когда река замерзла, стало немного легче. Немцы стали более спокойными. Обстрелы наших позиций они вели, как правило, по расписанию. Диверсионные группы, задача которых была прервать нашу связь, также выходили практически в одно и то же время.

Наши связисты старались в это время на лед не выходить и до выхода немцев на лед оставляли им, так ска-

зять для отчета, обрывки проводов. Кроме проводной связи в наших подразделениях начали использовать радиопередатчики.

Поскольку радиосвязь не обеспечивала секретность переговоров и по содержанию, и по времени их проведения, наша проводная связь по-прежнему сохранялась и постоянно поддерживалась. Немцы также поменяли тактику и вместо того, чтобы нарушать нашу проводную связь, посылали своих разведчиков с задачей прослушивать наши переговоры.

Папа рассказывал, что одного из таких «слухачей» удалось взять в плен. На допросах он жаловался, что командиры его постоянно ругали за очень плохие результаты прослушки.

Пленный довольно хорошо говорил на русском языке. Перед войной он обучался в немецкой школе военных переводчиков. Однако при прослушивании наших переговоров он часто не мог понять и запомнить, о чем идет речь. Например, он говорил, что в значительной части переговоров речь шла о какой-то матери или матерях, так как перед словом мать произносились какие-то непереводимые прилагательные. Часто говорилось о каких-то населенных пунктах, хуторах или природных объектах, на (или в) которые один командир приказывал или рекомендовал другому идти или наступать, но которых не было на картах, например, какой-то хутор Зад Ница или какие-то непереводимые пункты на буквы «Х», «П», «Ж» или объекты Ёжкин Корень, Ёжкин Кот. Он также не мог понять какие виды оружия, боеприпасов или довольствия были зашифрованы словами «Хрен» или «Фига с маслом» и т.д.

Отец умер в 1967 году. Причиной смерти стал рак легких (из-за многократных пневмоний, перенесенных во время и после войны).

Как мы пережили январь 1942 года

В январе 1942 года запоминающихся событий было мало. Ленинград в январе был очень сильно завален снегом.

Снег никто не убирал. Приходилось передвигаться по узким, протоптанным редкими прохожими тропинкам. На улице было так холодно, что выходить на улицу совсем не хотелось. Между тем у меня по-прежнему сохранялись обязанности: ходить в магазин и занимать там очереди, приносить воду из Фонтанки, приносить дрова из сарая и т. д. Количество открытых магазинов в январе резко сократилось. Из ближайших работали только два: булочная и гастроном на Измайловском проспекте недалеко от Троицкого собора.

Запас дров очень быстро убывал. Поэтому я пытался пополнить запасы топлива, периодически навещая котельную больницы. Она не работала из-за отсутствия угля и большой пробоины в вытяжной трубе. Летом в эту пробоину было не залезть, так как она была пробита снарядом гораздо выше моего роста. Зимой у этой трубы навалило много снега, Снег к январю слежался, и по нему можно было без проблем добраться до этой дыры. А дальше — пролезает в трубу, и по осыпи кирпичей можно было спуститься на дно этой вытяжной трубы. Внутренний диаметр трубы был около двух метров, а на уровне чуть выше пола разорвавшийся снаряд проделал дыру из трубы в топку размером в 4 раза больше, чем наружная дыра в трубе. В топке можно было стоять во весь рост, и там уже попадались куски еще не сгоревшего угля. Из топки через две дверцы можно было попасть в помещение, где работал кочегар. Дверцы топки были выбиты взрывом снаряда. И здесь около топок и в отва-

лах угольного шлака можно было набрать много целых кусков каменного угля. После попадания снаряда в трубу котельную закрыли с улицы на большой замок. Уголь из котельной и снаружи перед ее закрытием перенесли в кладовки рядом с палатами для больных, чтобы зимой этим углем топить буржуйки в палатах с больными. Однако у топок, в топке и в отвалах шлака внутри котельной после этого еще оставалось не одно ведро вполне годного каменного угля. А этот уголь в печке горел очень долго и давал больше тепла, чем дрова.

В первой половине января к нам пришел еще один папин сослуживец. Однако он пришел днем, когда в доме я был один, и пробыл у нас не более 15–20 минут. Он передал нам, по просьбе отца, две банки мясных консервов и громадный кусок колотого сахара. Сообщил, что с отцом все в порядке, немцы ведут себя тихо и что их подразделение скоро должно быть направлено в тыл на большую землю для пополнения и переформирования. Этот военный также передал на словах совет отца оформлять документы на эвакуацию, так как блокада, по мнению тех, кто был на передовой, может затянуться надолго.

Случай с ремесленниками

И еще мне запомнился один случай, который произошел уже в конце января. В этот день мама, как обычно, встала в 6 часов утра, накормила меня перед уходом и пошла к 7 часам на работу.

Наша квартира, как я уже писал выше, была расположена в двухэтажном доме. Окна квартиры выходили на проспект Москвиной. На этот же проспект выходила единственная входная дверь. Если открыть эту дверь, а она никогда не закрывалась на замок, попадаешь в не-

отапливаемую прихожую, в которой есть еще три двери. Одна дверь налево в нашу квартиру. Вторая дверь направо в другую квартиру, в которой во время войны никто не жил. Эта дверь была закрыта на замок. Третья дверь напротив входной была установлена на лестничной площадке лестницы, ведущей на второй этаж. Эта третья дверь была также закрыта на замок, так как тем, кто жил на втором этаже, удобнее было проходить в свою квартиру с территории больницы.

Когда мама, уходя на работу, открыла нашу дверь, то увидела, что в неотапливаемой прихожей сидят на лестнице, ведущей на второй этаж, трое молодых ребят, одетых в форму ремесленных училищ. Мама их окликнула, но они не отвечали. Мама подошла к ним и стала их будить. При этом установила, что два из них уже замерзли насмерть, так как не дышали и были уже очень холодные. Третий еще слабо дышал и был немного теплый. Мама пыталась его разбудить, но он не просыпался. Мама волоком затащила его к нам в прихожую. Там было тоже очень холодно. Но все же в нашей прихожей была плюсовая температура, между тем как температура там, где сидели ребята, была такая же, как на улице, где-то за -20.

Потом мама побежала на работу, а за парнем через некоторое время пришли санитары с санками. Потом мама рассказывала, что парня удалось откачать, хотя он сильно обморозил руки, лицо и ноги.

Мама пытается узнать всё об эвакуации

Февраль 1942-го также был очень холодным и снежным. Между тем из-за работы Дороги жизни постепенно и понемногу улучшалось продовольственное снабжение. Нормы выдачи по карточкам хлеба увеличивались. В га-

строноме стали появляться продаваемые по карточкам в небольших количествах крупа, мука, сахар, мороженая рыба, консервы и даже масло, в том числе иногда сливочное. Увеличились порции в больничной столовой. Появилось в квартирах электричество. Свет появлялся вначале в определенные часы и на небольшой срок. Постепенно промежутки подачи электричества увеличивались. Пошли трамваи. Сократилась заметно интенсивность обстрелов и бомбежек.

Но по-прежнему было очень холодно и город весь был завален снегом, который никто не убирал, а за продуктами, как и раньше, надо было выстаивать большие очереди и их все же не хватало для сносной жизни.

Папа писал очень редко и всякий раз рекомендовал эвакуироваться. Зато часто писала нам письма тетя Галя. В частности, она сообщала, что ее муж, дядя Сережа, получил повышение и был переведен на работу в какое-то городское почтовое управление. Ему в городе Уфе предоставили отдельную двухкомнатную квартиру со всеми удобствами. Вместо одной комнаты в пригороде с печным отоплением, без кухни и туалетом на улице у нее теперь почти в центре Уфы две просторные комнаты, кухня с электроплиткой, гаванна (ванная, совмещенная с туалетом), центральное отопление и т. д. Тетя Галя почти в каждом письме тоже рекомендовала эвакуироваться и обещала хорошо трудоустроить маму благодаря связям дяди Сережи. Сообщала, что теперь она временно не работает и занята благоустройством квартиры. А также писала, что, хотя в Уфе на продукты тоже введены карточки, проблем с продуктами нет и очередей за ними также нет. Кроме того, в Уфе работают несколько рынков, где можно купить все, что пожелаешь.

Еще я обратил внимание на сами письма от тети Гали. Все они приходили в конвертах со штампом почтового

управления вместо марки и были написаны на хорошей бумаге, в то время как письма от папы приходили в виде треугольника из очень плохой серой бумаги.

В связи с этим мама стала собирать сведения о том, каким образом в Ленинграде была организована эвакуация. В нашу больницу попадали и направлялись только гражданские лица, в том числе иногда и граждане, работавшие на Дороге жизни и получившие там травмы, обморожения, ранения или какие-то заболевания. Кроме того, у персонала больницы были знакомые или родные, эвакуированные из города по тем или иным причинам. Несколько раз она заходила в ближайший эвакуопункт, который находился рядом с больницей в школе № 264.

В результате этих общений мама узнала, что эвакуируются в основном неработающие ленинградцы (пенсионеры, домохозяйки, мамы с детьми, творческие работники, инвалиды) или граждане, которые остались без жилья, разрушенного бомбардировкой или обстрелом, утратившие документы по тем же причинам. Кроме того, эвакуировались граждане по заявкам и направлениям ленинградских предприятий и организаций. Такое направление, оказывается, можно было получить даже в нашей больнице, написав заявление с указанием причины.

С таким направлением дальше нужно было обратиться в ближайший эвакуопункт. В эвакуопункте на основании этого заявления назначался день отъезда. В этот день надо прибыть на Финляндский вокзал, где в выделенных для этих целей помещениях- накопителях формируются группы эвакуированных от 20 до 50 человек и назначается старший группы. Все эвакуированные, пришедшие в этот день, ставились на продуктивное довольствие независимо от того, были у них карточки или нет. Ленинградские карточки с этого момента не действо-

вали. Через старших по группе дальше передается вся необходимая информация о том, что надо делать, куда идти, когда и в какой вагон или грузовик садиться, где получать талоны на питание, вся ли группа загрузилась или кто-то отстал...

Как правило, ночью созданные группы грузились или в вагоны, или в грузовики. Тех, кто ехал в вагонах, привозили в поселок Ладожское Озеро, расположенный на берегу этого озера на расстоянии около 40 км от Ленинграда. Тех, кто ехал в грузовиках, везли до поселка Коккореве, также расположенного на берегу Ладожского озера примерно на том же расстоянии от Ленинграда.

В поселке Ладожское Озеро эвакуированные пересаживались на автомобили или плавсредства. А дальше по льду или воде озера доставлялись в поселок городского типа Новая Ладога. По озеру в этом случае надо было проехать расстояние более 100 км. Зато эта трасса была проложена очень далеко и от немецких, и от финских позиций. Поэтому ее почти не бомбили и не обстреливали.

От поселка Коккореве автотранспортом эвакуированных везли по льду или воде озера до поселка Кобона. Длина этого отрезка пути составляла приблизительно 40 км. При этом трасса проходила через небольшой остров в озере, где были оборудованы теплые землянки. Немецкие позиции в этом случае находились на расстоянии 8-10 км от этой трассы. Вероятность обстрела или бомбежки трассы поэтому была намного выше.

Дальше эвакуированные доставлялись из населенных пунктов Новая Ладога и Кобона автотранспортом до города Волхова. Там их еще раз пересаживали в вагоны и уже без пересадок везли в глубокий тыл.

По результатам полученных всех этих разъяснений мама решила, что зимой эвакуироваться не стоит. При самом благоприятном стечении всех обстоятельств, ис-

ключающих какие-либо задержки в пути от Финляндского вокзала в Ленинграде до посадки на поезд в городе Волхове, можно было добраться минимум за два дня. В случае каких-то задержек из-за обстрелов, бомбежек, поломки транспорта, метелей, тумана, отсутствия топлива для автотранспорта... и т. д. и т. п. это время могло быть увеличено до недели. При февральских 20–25-градусных морозах и частых метелях вероятность не доехать вообще или доехать с сильным обморожением, по ее мнению, была очень высока. Кроме того, обстановка на фронте под Ленинградом стабилизировалась. Благодаря Дороге жизни катастрофический голод уже никому не грозил.

Кушать, конечно, все время хотелось. Паек по карточкам не давал возможности наесться до отвала, но в то же время была уверенность, что каждый день на столе обязательно будет хоть какая-то еда. Кроме того, стекла в квартире были целы и прикрыты пулеметными амбразурами, дрова были, работа была, зарплату выдавали регулярно, на нее можно было что-то из еды добыть на рынке. Ребенок, то есть я, бегал в закрытом пространстве и был под постоянным присмотром. Свет дали, трамваи начали ходить. В общем, живи–не хочю. В связи с этим эвакуацию мама решила отложить до весны или лета.

Город потихоньку оживает

В начале января 1942 года советские войска начали Любаньскую операцию по прорыву блокады с целью восстановления прямого железнодорожного сообщения с Москвой. В результате этой операции прорыв блокады не удался. Однако немецкие войска вынуждены были отступить на десятки километров от железнодорожной

ветки, идущей на Тихвин, что значительно обезопасило доставку грузов по Дороге жизни. Эта операция продолжалась около четырех месяцев с января по апрель. В связи с этим многие ленинградцы, и мама в том числе, верили, что еще немного и блокада кончится и уезжать нет никакого смысла.

В конце марта в городе начались масштабные работы по очистке улиц города от снега и льда. Очищались в первую очередь трамвайные пути, автомобильные дороги и пешеходные проходы. Мама также была мобилизована на эти работы и должна была три раза в неделю отработать по два часа на уборке снега. Я ей помогал, как мог. Снег на санках, а иногда на автомашинах или грузовых трамваях свозился и сбрасывался в реку Фонтанку. Кроме того, на территории больницы за зиму образовалось несколько свалок из отходов медицинской деятельности больницы (грязные перевязочные материалы, отходы проведенных операций, всякие ненужные тряпки, фекалии), которые нельзя было сбрасывать в Фонтанку. Самые большие кучи образовались у главного корпуса, у корпуса, где было приемное отделение рядом с покойничкой, и у родильного отделения. Все это за зиму слежалось и смерзлось. Эти свалки работники больницы разбивали ломами, грузили на автомобили, которые все это куда-то увозили.

В начале апреля на Лермонтовском проспекте открылась баня. Всю зиму, начиная с того момента, когда прекратилось централизованное водоснабжение, мы не мылись, как говорится, целиком. В больнице всю войну, включая первую блокадную зиму, работала небольшая прачечная и пункт, где при необходимости мыли больных, и мылся персонал. Мама там, как она потом говорила, раз примерно в две-три недели растирала теплой водой грязь на теле, так как для настоящей помывки воды

Ленинградцы на очистке улиц города

Грузовой трамвай на уборке снега

**Международный (Московский) проспект.
Февраль 1942 г.**

не хватало. Воду в эту прачечную приходилось вручную приносить из Фонтанки.

Мы с мамой пошли в баню в числе первых. Там была горячая вода, и можно было вымыться хорошо. Особенно мне понравилось стоять под душем. В бане мы не только помылись, но и принесли кое-что постирать. Выстиранное белье сушили дома. Вначале в этой бане не было мужских и женских дней. Мужчины и женщины мылись вместе и только ближе к весне в бане были введены мужские и женские дни. Когда мы пришли в первый раз, большинство в бане были женщины и дети. Редкие мужчины были, в основном или очень пожилые, или инвалиды.

Для предотвращения эпидемий заразных болезней (тифа, дизентерии, холеры и т. д.) в Ленинграде проводилась массовая вакцинация. Мне тоже сделали укол под правую лопатку. Под левой лопаткой у меня была

большая рана от незаживающего фурункула. Было очень больно. Укол болел весь день, и два дня держалась температура.

В конце марта я с мамой ходил на собрание, посвященное личным огородам. Руководство города приняло решение раздать всем желающим по наделу городской земли для того, чтобы люди могли посадить и вырастить что-то из овощей прямо на газонах и пустырях города. Тем, кто соглашался взять такой надел, обещали дать семена и другой посадочный материал. За это огородник должен был при сборе урожая часть его сдать в фонд города.

В больнице до войны был огород, а на нем даже стояли стеклянные парники. Общая площадь этого огорода была примерно около 250 соток. Там росло около десятка яблонь. До войны огород был огорожен сплошным деревянным забором, охранялся сторожем и сторожевой собакой. В первую зиму войны забор пошел на дрова и оборудования щелей-бомбоубежищ. Стекла парников были или разбиты, или сняты для ремонта окон больницы. Собаку, наверное, съели. Лёня, когда был жив, снял там несколько стекол и застеклил ими пулеметные амбразуры на наших окнах, чтобы было теплее у нас в комнате и прихожей.

На собрании проводилась запись желающих взять грядку под огород. Руководство больницы обещало всех, кто согласится взять грядку, обеспечить картофельными глазками. Желающих оказалось очень мало. Всех смущал налог на урожай. Его назначали сразу после согласия взять землю в конкретных килограммах, пропорциональных площади огорода, и с указанием конкретного срока уплаты. Мама по этой причине от огорода отказалась. Правда, потом выяснилось, что поскольку земля на территории больницы принадлежала больнице, то боль-

ница была вправе устанавливать условия ее использования, в том числе принимать решения вводить или не вводить за нее плату натурой или деньгами.

Еще в одном нам в блокаду повезло. Несмотря на суровую и очень холодную зиму в больнице и у нас в доме всю зиму исправно работала и не замерзала канализация. Воды в водопроводе некоторое время не было и приходилось за водой ходить на Фонтанку. Между тем канализация не замерзала, и все туалетные отходы, грязную воду от стирки и мытья посуды можно было сливать в унитаз. Дом, где мы жили, был построен до революции. Стены были толстые и хорошо держали тепло. Поэтому в нашей прихожей, кухне и туалете даже в самые сильные морозы температура не опускалась ниже нуля.

Мы готовимся к эвакуации

В апреле, наконец, в Ленинграде стало теплее. Снег стал довольно быстро таять. Появились первые проталины. Потихоньку на деревьях и кустах стали набухать почки. Набухшие почки уже можно было собирать и использовать в пищу. Но, к сожалению, на территории больницы в основном из деревьев росли только тополя, клены и боярышники. Тополиные почки и почки клена были очень горькими и находились очень высоко. Почки боярышника были съедобными. Но на нижних ветках их было мало. Добраться до верхних веток не хватало сил. Правда, в больничном огороде пережили зиму еще и несколько яблонь. Но там уже все время кто-то, кому выделили землю, копался. К тому же собирать почки оказалось делом очень трудным и малопродуктивным. На реке Фонтанке лед стал серым. Появились полыньи, но ото льда Фонтанка еще не освободилась. В связи с этим рыбалка пока также отпадала.

**Таисия
Ивановна
и Юра
Михалевы.
1946 г.**

Постепенно из неофициальных источников стали доходить сведения о том, что военная операция по прорыву блокады не удалась. Таким образом, для нас стало ясно, что блокада будет продолжаться еще какое-то неизвестное по продолжительности время и что, пожалуй, лучше все же эвакуироваться.

В связи с этим мама стала не спеша оформлять документы на эвакуацию. При этом и в своем заявлении, и при общении с организаторами эвакуации она честно признавалась, что мы не нуждаемся в срочной эвакуации зимой, так как жилье у нас не разрушено, дрова есть, работа есть, карточки не пропали, мы серьезно не боеем и не ранены и вполне можем подождать, когда на Ладоге растает лед и будут решены все вопросы по организации эвакуации людей по воде озера.

Мы с мамой постоянно слушали сводки Совинформбюро о положении на фронтах.

В этих сводках, в частности, сообщалось о том, что в декабре и январе немцы рвутся к Москве, что там идут

очень тяжелые бои и что все силы нашей армии брошены под Москву. В связи с этим мы понимали, что стране сейчас не до Ленинграда. Только чуть-чуть обрадовались наступлению наших войск под Москвой, как опять пошли тревожные сводки о немецком наступлении в январе и феврале 1942 года на юге, где немцы захватили Крым и очень быстро дошли до Волги у Сталинграда. Опять было понятно, что с прорывом блокады следует подождать. А сколько ждать неизвестно.

Между тем в эвакуопунктах и по сарафанному радио мы узнавали, что лед на Ладоге в середине апреля начал подтаивать. Участились случаи провала под лед автомашин на Дороге жизни. А к концу апреля работа Дороги жизни вообще временно прекратилась на несколько недель. В первых числах мая по Неве поплыл ладожский лед. Он отличался от Невского своей белизной. В середине мая по Ладоге началась водная навигация и возобновилась эвакуация уже по воде.

Это была третья по счету и последняя массовая эвакуация из Ленинграда. От двух первых эта эвакуация отличалась тем, что эвакуировали не всех, кто хотел уехать, а только тех, кто проходил определенную процедуру отбора. При этом надо было вначале написать и подать в комиссию по эвакуации заявление с указанием причины эвакуации. Сообщить населенный пункт в тылу, куда ты хочешь попасть. Указать наличие родственников или знакомых, которые могут помочь тебе с жильем и работой, или предприятия, на котором ты работал до войны, и которое может помочь трудоустроиться. К этому заявлению необходимо было приложить ходатайство ленинградского предприятия, где ты работаешь в настоящее время, с просьбой оказать содействие при эвакуации или (и) о том, что предприятие не возражает и не имеет претензий к эвакуированному. Получить справку о выписке

с жилплощади в Ленинграде, представить обязательство о сдаче всех продовольственных и промтоварных карточек при получении эвакуоудостоверения. Тех, кто работал в Ленинграде на предприятиях, связанных с обороной, комиссии по эвакуации старались поставить в последнюю очередь, так как после первой блокадной зимы уже на многих предприятиях образовалась нехватка работников.

Маме в больнице дали очень хорошее ходатайство в комиссию по эвакуации, но одновременно ее попросили по возможности как можно дольше не уезжать. Здесь с пониманием относились к ее относительно частым больничным, связанным с приступами гипертонической болезни.

Кроме того, многих, кто хотел эвакуироваться, останавливала необходимость иметь при себе относительно большую сумму денег. Транспорт и двухразовое питание при эвакуации от Ленинграда до пункта назначения оплачивало государство. А за все остальное надо было платить. С едой по бесплатным талонам в пути практически со всеми эвакуированными случались перебои. Если в пути продукты, положенные по талонам, по каким-то причинам не подвезли, на любой станции или незапланированной остановке продукты можно было достать, но только за деньги. В пункте назначения за жилье надо было платить. Надо было на что-то жить до трудоустройства и получения первой зарплаты: платить за различные услуги, например, прописку; что-то есть, покупать что-то из вещей и т.д.

В принципе на работу можно было очень легко и быстро устроиться. Во время войны практически на каждом предприятии требовались новые работники, в том числе без образования и специальности. Однако зарплата при этом предлагалась очень маленькая, позволяющая

только очень скромное существование от зарплаты до зарплаты. Устроиться на хорошую и высокооплачиваемую работу было сложно. Мама считала, что у нее в этом плане есть некоторые преимущества. Во-первых, она закончила десять классов средней полной школы. До войны и особенно во время войны это ценилось не на много ниже, чем высшее или среднетехническое образование. Во-вторых, она рассчитывала, хотя бы на первых парах, на помощь и поддержку дяди Сережи (мужа тети Гали). Но, как говорится, «на бога надейся, а сам не плошай».

В связи с этим мама после принятия решения о нашей эвакуации перешла на режим жесткой экономии и старалась как можно больше накопить денег и как можно дальше отодвинуть день отъезда.

Наша эвакуация из Ленинграда

Наконец, в середине июня нам пришло извещение о дне нашей эвакуации. Для этого надо было получить последние справки о сдаче карточек и выписке из жи-

ля, а после этого получить в ближайшем эвакуационном пункте удостоверение с указанием дня явки на Финляндский вокзал. И, наконец, 26.06.1942 года с этим удостоверением (№ 1495) мы прибыли на вокзал. Из вещей у нас был мешок у мамы за плечами и сумка в ее руках с какими-то вещами. До вокзала доехали без проблем на трамвае. На вокзале нас записали в одну из групп, познакомили со старшей группы и объявили, что завтра 27 июня в 5 часов утра мы должны погрузиться в одну из автомашин.

На следующий день утром мы сели в кузов полуприцепа с открытым верхом. Справа и слева от кабины шофера слегка дымились две большие газогенераторные печки. Мама устроилась и села на свой мешок за кабиной шофера, а я стоял рядом с ней так, чтобы мне была видна вся дорога перед машиной. Примерно через час-полтора пути наша машина остановилась и наш шофер — женщина, одетая в ватник, вышла из кабины с очень длинной кочергой. Она периодически открывала газогенераторные печки, подбрасывала в них деревянные чурки и этой кочергой шуровала в печках, улучшая горение чурок. За время пути шофер проделывала такую процедуру еще раз.

Примерно через три часа мы доехали до озера. Там в озеро уходил очень длинный деревянный пирс. В конце этого пирса был причален большой морской буксир. На носу и корме этого буксира были установлены противоздушные счетверенные пулеметы, прикрытые сверху брезентом. Мы и все остальные приехавшие погрузились на палубу этого буксира. Мама сразу же устроилась за трубой буксира, а я побежал на нос. Погода была хорошая, солнечная. Дул слабый довольно прохладный ветер. За трубой ветер почти не ощущался, а на носу очень даже чувствовался. Когда все приехавшие разместились на палубе, буксир тронулся в путь. Небо было чистое, безоб-

лачное. По палубе между пассажирами ходили матросы буксира. У каждого из них была кружка на длинной цепочке и, если кто-то хотел пить, матрос бросал кружку за борт и поил жаждущего водой из озера. У двух матросов, кроме кружек, были бинокли, и они периодически осматривали небо. Но за время нашего плавания ни одного самолета, ни нашего, ни немецкого, не появилось. На носу буксира я пробыл около часа. Кругом была вода, покрытая мелкой рябью, и не было ничего интересного. В связи с этим я пошел к маме за трубу, прилег на теплую палубу и уснул. Проснулся, когда мы причалили уже на другом берегу озера.

На этом закончилась моя жизнь в блокадном Ленинграде и началась жизнь в эвакуации.

В Ленинград мы вернулись вскоре после полного снятия блокады весной 1944 г. Жизнь продолжалась.

С мамой и тетей Галей. 1945 г.

Содержание

1. Моя семья	3
2. Начало войны	4
Несколько слов о Больнице имени 25 Октября	6
Война приближается	9
Тетя Галя	13
Тетя Галя в эвакуации	15
3. Обстановка в Ленинграде в начале войны	18
4. Начало блокады в Ленинском районе Ленинграда	22
5. Продуктовая проблема	28
Я осваиваю профессию рыбака	30
Чем я занимался еще	32
За продуктами к бабушке	33
Как и почему мы опоздали на поезд в Ленинград	35
Как мы ехали в Ленинград на паровозе и как потом добирались домой	37
Лёня	38
6. Жизнь в Ленинграде с каждым днем становится все хуже	41
В Ленинграде начался жестокий и катастрофический голод	46
О Дороге жизни через Ладогу и возможности эвакуации	51

Мы голодаем.	54
Сенной рынок города Ленинграда.	57
Почему в Ленинграде не ловили и не продавали свежую рыбу.	60
Несколько слов о дополнительных продуктовых источниках	63
Я выхожу на охоту	64
7. Как наша семья выживала в то время.	69
Как мы праздновали мой день рождения	71
Как Лёня уехал на лесозаготовку и как он умер	72
Жизнь для мамы теряет смысл.	74
Человек предполагает, а Бог располагает.	83
Как мы лечили маму	86
Мама поправляется	90
Справка о голоде в блокадном Ленинграде	90
8. Жизнь продолжается	95
Как я стал «людоедом»	95
Как мы пережили блокадную зиму	97
Я пытался наладить производство табака.	98
Папины письма	101
Как мы пережили январь 1942 года.	105
Случай с ремесленниками.	106
Мама пытается узнать всё об эвакуации.	107
Город потихоньку оживает	111
Мы готовимся к эвакуации	116
Наша эвакуация из Ленинграда.	120

Как появилось на свет это издание

Когда мы — команда АНО «Хранители времён», начинали работу над социокультурным проектом «Ленинградский щелкунчик» (в основе которого лежит одноимённая блокадная сказка Дениса Нефёдова), одной из наших целей являлось стремление рассказать детям о такой сложной и трагической теме, как блокада Ленинграда так, чтобы это стало для них не просто страницей учебника, а частью личного эмоционального и культурного опыта.

История о кошках, которые помогли спасти осаждённый город на Неве от крысиного нашествия, позволила в простой и увлекательной форме затронуть сложную и трагическую тему Блокады. Однако наш проект, вскоре приобрёл новые, неожиданные горизонты и вышел за рамки одной сказки.

В канун 80-летия полного освобождения Ленинграда от немецко-финской фашистской блокады — 12 января 2024 г. в Аничковом дворце Санкт-Петербурга (в том самом, где в годы Блокады проводились детские новогодние ёлки) прошёл детский военно-исторический спектакль «Ленинградский щелкунчик» зрителями которого стали более 800 юных петербуржцев.

После премьеры спектакля и выступления по радио автора сказки, с нами связался Юрий Борисович Михалёв, который сам пережил блокаду ребёнком. Он рассказал о своей нелёгкой судьбе и о том, что написал книгу воспоминаний о блокадном детстве.

Дети на войне быстро взрослеют, их память чётко цепляет всё происходящее.

Книга «Блокадник-малолетка» Юрия Борисовича Михалёва — яркое тому подтверждение.

Это живая история, рассказанная изнутри блокадного Ленинграда, живое свидетельство того, что значит быть ребёнком на войне. Это не факты и цифры, но детство, разрушенное войной, переживания, эмоции и воспоминания человека,

который прошёл через одно из самых тяжёлых испытаний в истории человечества.

Рассказы мальчика Юры из невской твердыни не просто личная судьба — это часть коллективной памяти нашего народа, часть того великого подвига, который совершили ленинградцы. Сегодня, спустя десятилетия, нам важно не просто помнить, но и передавать это знание следующим поколениям, чтобы они знали, какой ценой досталась Победа над германским нацизмом в мае 1945 года!

Команда проекта «Ленинградский щелкунчик» предложила Президентскому фонду культурных инициатив к 80-летию Великой Победы Советского народа в Великой Отечественной войне издать эти уникальные воспоминания и передать книгу в школьные библиотеки Санкт-Петербурга и Калужской области. Фонд поддержал нашу идею.

Мы сердечно благодарим Юрия Борисовича Михалёва за его мужество, труд и замечательное произведение. Мемуары «Блокадник-малолетка» стали ценным даром не только для нашего проекта, но и для всех, кто хочет лучше понять, через какие испытания прошли люди в блокадном Ленинграде на пути к Великой Победе!

**Генеральный директор АНО «Хранители времён»,
руководитель социокультурного проекта «Ленинградский
щелкунчик», И. Л. Котов
Писатель, автор блокадной сказки
«Ленинградский щелкунчик»
Д. В. Нефёдов**

Подробнее узнать о проекте
«Ленинградский щелкунчик»
можно на сайте АНО «Хранители времён» —
хранителивремен.рф, а также телеграмм-канале
«Ленинградский щелкунчик»
https://t.me/leningradskiy_shelkunchik

Есть книги, которые просто врываются в сердце!

«Ленинградский Щелкунчик»

Блокадная сказка — одна из них!

Действие разворачивается в Ленинграде в самый тяжёлый период блокады. Не в силах взять город, фашисты решают забросить в него крысиную армию,

которая должна уничтожить невскую твердыню. На пути вражеских планов встает маленькая ленинградская девочка Яся, её домашний кот Елисей и их друзья — ленинградские кошки, которые разрушают планы врага.

Прочитайте эту книгу детям! Зародите в их сердцах трепет и чувство сопереживания!

Приобрести блокадную сказку «Ленинградский щелкунчик» можно на платформе «Авито», «Озон», а также в книжных магазинах «Москва» (г. Москва) и «Доме книги» в здании Зингера (г. С.-Петербург)

Полная аудио-версия блокадной сказки «Ленинградский щелкунчик» в исполнении заслуженного артиста России Камиля Ларина доступна на платформе «ЛитРес».

Юрий Михалёв

Блокадник-малолетка

*Воспоминания о жизни
в блокадном
Ленинграде*

Книга публикуется
в авторской редакции

Ответственный редактор
Д. В. Нефедов

Художественный редактор
А. В. Воронин

Формат 60×90 /16.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии
ООО «Буклет СВ»

**Тираж не предназначен для продажи
и коммерческого использования**